

СТАЛЬ НОЙ КОРОЛЬ

Юлия Латынина

Ахтарский металлургический комбинат

Юлия Латынина

Стальной король

«ЭКСМО»

1998

Латынина Ю. Л.

Стальной король / Ю. Л. Латынина — «Эксмо»,
1998 — (Ахтарский металлургический комбинат)

ISBN 978-5-17-059712-3

Генеральный директор Ахтарского металлургического комбината Вячеслав Извольский жесток, беспринципен и талантлив. Он стал собственником комбината, выкинув из директорского кресла взрастившего его предшественника. Он завел свою компанию сотовой связи, чтобы никто не прослушивал его разговоры, он купил мэра, губернатора и ментов. Но шахтерская забастовка и те, кто за ней стоит, угрожают ему – катастрофой, а его рабочим – голодом. Где та грань, перед которой остановится Стальной Король? И имеет ли он право остановиться?

ISBN 978-5-17-059712-3

© Латынина Ю. Л., 1998

© Эксмо, 1998

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Юлия Латынина

Стальной король

Глава первая

Поминки по пикету

Столовая в этом здании не изменилась с советских времен: на кафельном полу стояли пластиковые, пожелтевшие от времени столики, и чтобы добраться до кассы, надо было отстоять шевелящуюся и кашляющую очередь. На алюминиевых полках, вдоль которых двигалась очередь, чах салат из свежих огурцов бледно-синюшного цвета, щи капустные и куриные котлеты, обильно залитые соусом. Цветом соус напоминал боевой прикид омовца и употреблялся с той же целью, а именно – для камуфляжа.

Денис Черяга, следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры, опасливо обошел котлеты стороной и удовольствовался салатом и булочками. Свой трофей Черяга отнес к пластиковому столику близ окна, раздобыл бледную гнутую вилку времен пуска Саянского алюминиевого завода, и начал есть, задумчиво обозревая унылый пейзаж из московских крыш, просвечивающий через заросшее жиром окно столовой.

Денис Федорович был еще молодой человек, лет тридцати двух, немного ниже среднего роста и такой щуплый, что друзья в прокуратуре шутили насчет того, что тонкостью талии он мог бы поспорить с фотомodelью. Однако тонкие его запястья переходили в широкие не по размеру ладони, и костяшки длинных, аристократических пальцев были покрыты характерным мозолями человека, который часто лупит по груше и много отжимается на кентусах. Лицо у Дениса было обманчиво спокойное, с широкими скулами и твердым лошадиным подбородком, и васильковые глаза прятались за широкими стеклами очков. Это было лицо человека, занимающегося самым паршивым, что есть в человеческой природе – а именно этим занимался Черяга.

Денис Черяга специализировался на маньяках.

Так уж получилось, что первое дело молодого следователя было связано именно с подонком, душившим женщин в лесополосах вдоль железных дорог. Дело было неожиданно быстро раскрыто, Черягу заметили, и через несколько лет он, несмотря на молодость, был произведен в «важняки». Однако фронт работы остался прежним: начальство спешно высылало его туда, где обнаруживались изуродованные трупы женщин и подростков, и за свою недолгую карьеру Черяга навидался бессмысленной жестокости не меньше, чем если бы он провел все это время в Чечне или в Бейруте.

Напротив Черяги на стол шлепнулся поднос, заставленный целой кучей блюд, и басистый голос пророкотал:

– Привет, Данька! Ты, говорят, завтра в Чернореченск едешь?

Черяга поднял голову: рядом с ним разгружал свою жратву веселый и толстый Горчаков из соседнего отдела.

– Да. Завтра.

– Что – с Ахметовым?

Вот уже второй месяц по всей Руси Великой бастовали шахтеры, перекрывая железные дороги и приводя в отчаяние местные администрации, и Александра Ахметова во главе следственной бригады отправляли в Сибирь разобраться, куда же все-таки делись шахтерские деньги.

– Нет. Ты же знаешь мою специализацию, – усмехнулся Черяга, – какие там шахтеры! В отпуск на свадьбу. Брат женится.

– Брат? А я и не знал, что у тебя брат есть.

– А я и сам забыл.

– Что так?

– Двадцать лет парню, – сказал Черяга, – три года сидел, сначала как малолетка, а потом... В общем, год назад вышел.

– И чем же он сейчас... занимается?

– Не знаю. Мать клянется, что поумнел. Очень просит на свадьбу приехать.

– А на чем же ты поедешь? Там же дорога перекрыта.

– На машине. Мать просила плиту для новобрачных купить. Японскую. Они, здесь, в Москве, дешевле. Как раз в багажник влезет.

Горчаков поднял голову и заорал:

– Эй, Сашка! Иди сюда.

Через мгновение к обедающим подошел Александр Ахметов – тот самый следователь, которого посылали по душу шахтерских посредников.

– Ты когда в Чернореченск едешь?

– На следующей неделе, – сказал Ахметов, – раньше не получится.

– А вот он – завтра. На свадьбу.

– Очень приятно, Денис Федорович, – отозвался Ахметов, – вы если что услышите от местных, заходите к нам. Будем только рады.

– Да я в отпуск, – сказал Черяга, – и вообще я мало в этих делах разбираюсь.

– Все-таки заходите, – повторил равнодушно Ахметов.

* * *

Разумеется, никакая газовая плита не влезла бы в багажник «Жигулей» или какого-нибудь там «Москвича», причитающегося по рангу следователю с зарплатой, на которой не прокормишь даже кошку. Но в том-то и дело, что у Черяги была потрясающая тачка, не тачка, а мечта – новенький мерседес-внедорожник, пятисотый, темно-зеленый, с неброскими аристократическими обводами полуфургончика, столь же простенькими, как вечернее платье принцессы Дианы.

Не то чтобы Черяга был единственным следователем прокуратуры с такой лайбой – его сосед по кабинету Сеня Гочкис ездил аж на шестисотом «Мерсе», – но, в отличие от Сени Гочкиса, Черяга заработал свою тачку не тем, что обслуживал московские криминальные группировки.

Месяцев шесть назад на одной из московских дискотек пропала белокурая с длинными волосами девочка. Несмотря на то, что тело ее нигде не было найдено, дело поручили Черяге. Такая невиданная по нынешним временам прыть объяснялась двумя причинами: во-первых, в Москве пропали уже две белокурых с длинными волосами девочки, и свежие трупы обоих нашли через месяц, в каком состоянии – это даже Черяга предпочитал не вспоминать. Во-вторых, девочка была дочкой одного из металлургических королей России. Для розыска возможной жертвы была поднята на уши вся Москва, включая двух законных воров. Однако повезло Черяге: он нашел маньяка и он нашел девочку, на цепи в подвале, но живую.

Правда, следующие три месяца девочка провела в психиатрической клинике.

Через неделю после ареста маньяка придушили в тюрьме, а на следующий день после этого происшествия Черяга обнаружил у себя под окнами темно-зеленый внедорожник с трехлучевой звездой на капоте. Он даже попытался было отказаться от машины, но промышленник внятно ему объяснил, что ему с Черяги ничего не нужно, что он не бандит, не авторитет, а

что если его заводам понадобится оправдываться насчет налогов – так не к же Черяге с его специализацией за этим обращаться!

Словом, роскошный внедорожник осталась у Черяги, вкупе с предложением звонить в любое время.

За шесть месяцев работы он еще ни разу не ломался, горячее для него стоило вдвое дешевле, и единственной повышенной строчкой расходов оказались гаишники: аристократический «Мерс» они тормозили впятеро чаще, чем пенсионную черягинскую «Шестерку».

* * *

Дорога до Чернореченска заняла почти три дня. Проворочавшись всю ночь в скверной челябинской гостинице, Черяга выехал в пять утра и вот уже семнадцать часов крутил баранку, останавливаясь только затем, чтобы справить нужду или по требованию гаишников.

Дорога, связывавшая Европу с Азией, была разбитая и серая, шириной в два ряда, и по обеим сторонам ее рабочие местных заводов продавали унитазы и надувные игрушки, выданные им на предприятии в счет зарплаты.

На границе области рыцарь с большой дороги, изучив его документы и сообразил, что денег с правоохранительного коллеги ему не содрать, философски любопытствовал:

– Вы куда направляетесь, Денис Федорович?

– В Чернореченск.

– Там дорога перекрыта.

– Мне-то что? Я на машине.

– Там автотрассу перекрыли тоже, – сказал гаишник.

– Давно?

– Да с утра.

– На въезде или на выезде?

– На въезде, – и гаишник с любопытством заглянул внутрь черягинской машины. Надо сказать, что «Мерс», груженный плитой, представлял собой довольно пикантное зрелище – все равно что позолоченная карета с гербами, внутри которой едет стог сена.

Километров за сто до Чернореченска дорога испортилась: небо стало черным и злым, как угольный пласт, верхушки деревьев затанцевали на ветру, выламываясь во все стороны, как стриптизерка у шеста, на разбитый асфальт упали первые крупные капли дождя.

Черяга поднял стекло и включил радио: комментаторы на все лады обсуждали очередную забастовку. Начальник Западносибирской железной дороги сказал, что убытки ее измеряются уже сорока миллионами рублей. Министр экономики Яков Уринсон заявил, что правительство не намерено идти на поводу у шахтеров. Директор соседнего Ахтарского металлургического комбината пожаловался, что еще четыре дня забастовки, и на заводе кончится кокс для коксовых батарей.

– Насколько это серьезно? – спросил комментатор, и директор ответил:

– Завод можно будет выбросить на свалку.

Голос у директора был молодой и нервный, и Черяга подивился странному в нем напряжению, угадываемому сквозь треск разрядов: Черяга был человек опытный, и нотки, которые он слышал в голосе директора, он привык слышать в голосе обвиняемых.

Комментатор еще чего-то спросил, но тут за взгорком моста показался Чернореченск, и Черяга выключил радио.

Дождь лупил по дороге прямой наводкой, в небе вспыхивали молнии – господь Бог развлекался концертом с цветомузыкой.

Обещанного пикета не было. У автобусной остановки жалась под козырьком кучка растерянных людей, да вдоль дороги стоял пяток милицевских «синеглазок» со включенными

маячками. Маячки вертелись, как на дискотеке, выхватывая из темноты дорожное полотно, группу растерянных оперов и темную кучку одежды на асфальте, и Черяга принял было всполохи от фотоаппаратов за вспышки молний.

Черяга остановил машину и пошел к «синеглазкам».

– Вы куда, гражданин? – загородил ему путь молодой белобрысый сержант.

Черяга вынул свое удостоверение. Сержант изучил его, внимательно оглядел «Мерс» и взял под козырек. Черяга так и не понял, что послужило для сержанта более убедительным аргументом: удостоверение москвича или роскошная тачка.

– Что случилось? – спросил Черяга.

– А черт его знает, – растерянно ответил сержант.

Черяга прошел дальше. Кучка тряпья у разделительной полосы оказалась человеком: вокруг человека ползал эксперт с фотокамерой, другой опер держал над фотокамерой зонтик. Убитый был молодой еще парень, лет девятнадцати-двадцати. У него были мягкие русые волосы и синие зрачки, в которых отражались вспышки молний и фотокамеры. Шнурки кроссовок и отвороты джинс были изгвазданы глиной – где-то в эту ночь парень бродил по размокшей земле, но было это давно – подошвы кроссовок были чисто вытерты. Во лбу, как третий глаз, темнела аккуратная дырочка. По сравнению с трупами, с которыми приходилось общаться Черяге, он выглядел как первоклассница по сравнению с бомжем.

Кто-то тронул Черягу за плечо: следователь обернулся и увидел мужчину лет пятидесяти, в кожаной куртке, блестящей под дождем. У мужчины был рыхлый красный нос и несчастные глаза алкоголика. На Черягу пахнуло дешевым винным духом.

– Вы кто такой? – сказал мужчина, и конец его вопроса потонул в раскате грома.

– Следователь Генпрокуратуры. – честно ответил Черяга. – Денис Черяга. В отпуск на свадьбу приехал.

– В Чернореченск?

– Да. А что случилось? Где пикет?

– Расстреляли пикет.

– Что?! – Черяге показалось, что он ослышался.

– Расстреляли пикет, – повторил человек в кожаной куртке, – подъехала тачка, высунулось дуло автомата, плеснули по пикету, развернулись и уехали.

– О Господи! – только и мог сказать Черяга, – и сколько...

– Два убитых, трое раненых. Да тут еще ни черта не ясно, что произошло, – вон, стоят голубчики, перепуганы до посинения.

– Кто? – не понял Черяга.

– Да пикетчики! Как дороги перекрывать, так ради бога, а теперь в штаны наложили, все разбежались, вон трое осталось, – и кожаная куртка ткнул туда, где под автобусным козырьком томились несколько темных фигур.

– Кстати, – сказал мужчина, – Петраков, Ваня. Зам начальника городского УВД.

Черяга смотрел на дорогу, туда, где из неподвижной кучи тряпья глядело в небо белое лицо.

– А кого убили-то? – спросил Черяга.

– Да вон один, а второй в канаве.

– Не похож на шахтера.

– А?

– Не похож на шахтера, говорю: кроссовки фирменные и куртка дорогая.

Петраков повернул голову и позвал одного из сотрудников:

– Васька! Подь сюда.

Васька поспешно подкатился к начальству.

– Кто такие, установили?

– Тот, который в канаве – паспорта нет, по словам свидетелей, зовут Иваном Завраж-ным, а второй – вот паспорт.

И Васька вынул из кармана красную книжицу.

Черяга взял книжицу и раскрыл ее на первой странице. Там была фотография улыбаю-щегося паренька и надпись: Черяга Вадим Федорович.

Денис долго смотрел в красную книжечку. Потом тихо прошел несколько метров и оста-новился над неподвижным телом в добротной кожаной куртке. Мертвые синие глаза глядели на мир удивленно и строго. В правой руке, неловко завернувшейся за спину, вдруг тускло блеснул ТТ: видимо, Вадим пытался отстреливаться или хотя бы вытащить ствол.

Денис опустил на колени в слегка розоватую лужу, щедро разведенную дождевой водой.

– Эй, Денис Федорыч! – позвал майор, – ты чего? Паспорт отдай! Или это знакомый?

Черяга поднял на майора васильковые глаза.

– Брат, – сказал Денис. – Знаете, мы не виделись десять лет. Я даже не узнал его.

* * *

Спустя час Черяга с Петраковым подъехали к зданию городского УВД. «Труповозка» за Вадимом так и не пришла, – как объяснил Петраков, не было бензина, и Денис с младшим лейтенантом в конце концов погрузили тело на заднее сиденье роскошного «Мерса», рядом с газовой плитой, предназначавшейся ему в подарок на свадьбу.

В здании еще горели окна: еще бы, ЧП! Вокруг окружающего его деревянного забора толклись журналисты: не так, чтобы толпой, но все же во вполне раздражающем количестве. При виде «Мерса» журналисты заволновались и защелкали фотовспышками.

Заслышав шум въехавшей в ворота машины, на крыльцо вышел дородный мужик пред-пенсионного возраста. Даже без полковничьих звездочек на накинутаой поверх плеч формен-ной куртке в нем легко было угадать главное милицееское начальство.

– Привет, Ваня, – сказал человек, – отвезли?

– Да, Дмитрий Иванович.

– А это кто? – кивнул на Черягу Дмитрий Иванович.

– Я брат Вадима, – сказал Денис.

Дмитрий Иванович очень внимательно окинул взглядом роскошный внедорожник.

– Что, яблочко от яблони недалеко падает? – спросил он.

– Денис Федорович – следователь Генпрокуратуры, – сказал Петраков, – важняк.

Черяга молча прошел в дверь.

Городское УВД помещалось в небольшом двухэтажном домике и выглядело весьма небо-гато: за входной дверью начинался длинный коридор. – не коридор скорее, а целый квадрат-ный зал, с крашеным деревянным полом и цементными стенами, и в этот зал выходила целая куча дверей. Одна из них была широко распахнута, из дверного проема лился свет и слышался возбужденный голос.

Черяга подошел к двери.

Внутри, за письменным столом, сидел коренастый милиционер, а напротив его захлебыв-ался рассказом мокрый человек в дырявых кроссовках. У человека были коричневые, почти черные руки, угольная пыль въелась в уголки его глаз, и если бы не сгорбленные плечи и сквер-ная одежда, он был бы похож на гомосексуалиста с подведенными глазами.

– Значит, вы не помните номера машины? – спрашивал милиционер.

– Да он грязный был, номер, оно как было дело? Они подъехали, развернулись и полетели назад. И вдруг – с заднего сиденья высунулись и начали стрелять.

– Они в кого-нибудь целились?

Шахтер почесал огромной пятерней голову.

– Да кто ж их знает? – сказал шахтер.

– Вы можете предположить, кто был в джипе?

– Да утрешние, наверно, – сказал мужик.

– Какие утрешние?

– Утром ехал иномарка, такая крутая – круче, чем вареные яйца. Ну, мы ей загородили дорогу. Вылез из-за руля шофер, ряшка – во! – дайте, говорит, проехать. Ну, народ-то злой, а иномарка богатая, мы в нее стали всякой дрянью кидать. Шофер сел в машину, говорит: «Мы еще вернемся, козлы угольные». Развернулся и уехал.

– Номер иномарки запомнили?

– Я вам что, бухгалтер, – номера запоминать? – удивился шахтер.

– А марку?

– Да вроде «Мерседес».

Черяга вошел в кабинет.

– А убитые вам знакомы? – спросил он.

– Завражин-то? – через два дома жили. Он мне тридцать рублей должен остался. Уж не знаю, отдаст жена или нет.

– Другой убитый.

– А как его?

– Вадим Черяга. Молодой парень.

– А, это из спонсоров.

– Из каких спонсоров?

– Ну, ездили тут у нас, еду возили. Мы их всех спонсорами кличем.

– И много таких спонсоров?

– Да кто хочет, тот и приходит, – разъяснил шахтер, – люди приходят, кто кусок хлеба принесет, вечером бабка пришла с пирогом. Казаки муку возят, вон из городской администрации тоже машина приезжала, на железную дорогу.

– А Черяга от кого приехал?

– Мы что, знаем? Приехали «Жигули», вышли два парня, хлеб вынесли и колбасы два батона.

Шахтер замолчал, как будто припоминая.

– Ну точно, – сказал он, – вот как они колбасу доставали, так тут этот джип и подлетел. Мы еще на колбасу смотрели, а на джип – нет.

– И куда же делась «Шестерка»? – спросил Денис.

– Да бог с вами! Как стрельба началась, там второй парень внутри сидел – вдарил по газам и привет! Багажник не успел закрыть.

– Эта «Шестерка» раньше приезжала? – спросил Денис.

– Да вроде да.

– Черягу вы первый раз видели?

– Может, и видел, – неуверенно сказал шахтер, – да точно видел! Он еще с нами водку пил вчера. Невеста у него!

Зевнул и сказал:

– Вы чего нас-то задерживаете, а? Вы бы тех гадов задержали, которые по рабочему народу стреляют! А то сидят, директоров охраняют. А директора нашу кровь сосут!

– А что же вы тогда директоров-то не громите? – спросил Черяга, – вы бы не на рельсы ходили, а к особнякам.

– Ага! К особнякам! – сказал шахтер, – у них там бандиты и менты купленные. А на рельсах мы вроде как хозяева.

Денис вышел из комнаты, поманил за собой пальцем Петракова, который слушал весь диалог, прислонясь к косяку. Из кармана зам. начальника УВД торчала бутылка водки, и никто ему не делал замечания. Видимо, привыкли.

– Насчет утренней иномарки – это правда?

– Да, – сказал Петраков, – уже пятый человек то же рассказывает. Иномарка была крутая – видимо, «Мерседес», но некоторые говорят – БМВ. Номеров никто не запомнил...

– Не так много «Мерседесов» в городе, – с усмешкой сказал Черяга.

– Но номера были не наши. Ахтарские. Там народу втрое против нашего...

– А сколько километров до Ахтарска?

– Девяносто кеме... считай, сто.

– Вы что тут забыли, товарищ москвич? Журналистов нам мало?

Черяга обернулся. Позади него, широко расставив ноги, стоял человек с огромным брюхом и маленькими очками. Человек выглядел очень помятым. У него было помятое красное лицо, помятые форменные штиблеты, и даже полковничьи погоны на его кителе выглядели тоже помятыми. Судя по повадкам, полковник был начальником городского УВД.

– Я не журналист, – сказал Черяга. – Я следователь. И у меня убили брата.

– А ты знаешь, – спросил в упор помятый полковник, что твой брат за три месяца два раза привлекался – один раз за вымогательство, другой – за пьяную драку в ресторане?

– А что, это имеет значение? Его не поэтому убили.

– Не возил бы от братвы хлеб шахтерам, – вот и не убили бы.

– Я хотел бы помочь вам в расследовании, – сказал Черяга.

Начальник городского УВД широко улыбнулся.

– А пошел ты на хрен, москвич! – заявил он.

* * *

Звонок о расстреле пикета застиг чернореченского мэра Курочкина в самую неподходящую минуту: Курочкин, несмотря на мирное свое происхождение, – в советской жизни он был бухгалтером, а после того владел сетью магазинчиков, – страстно любил оружие, и не далее как сегодня вечером один из угольных бизнесменов обрадовал мэра заграничной игрушкой – Аграм–2000. У «Аграма» был красивый, на манер турецкой сабли изогнутый рожек, удобная пластиковая рукоять с выдавленными ложбинами для трех пальцев, и короткое тупое рыльце, приспособленное под мощный натовский девятимиллиметровый патрон.

Курочкин сначала вертел автомат в руках, а потом поспешил во двор, прицелился и выстрелил. «Аграм» стрелять не захотел, и Курочкин было разобиделся, но тут оказалось, что господин мэр спяну просто не довел до конца рукоятку затвора, и подвижные части умного механизма автоматически блокировались.

Курочкин передернул затвор, и вскоре обширное мэрское подворье огласилось хриплым лаем автоматной очереди, так что встрепенулись и загавкали псы в соседних домах, а бдящие соседские охранники, наоборот, прислушались и тут же расслабились: опять товарищ мэр изволил пулять в нарисованного на стене Гайдара.

– От так! – приговаривал Курочкин, точными очередями, по два-три патрона, высаживая обойму в кирпичную стену, освещенную прожектором, – от так!

– Геннадий Владимирович! Вас срочно! – затеребил мэра охранник с трубкой в руке.

– Ну кто там? Алло!

Трубка зачавкала что-то непонятное, и на лице Курочкина изобразилось живейшее изумление.

– Двое? Насмерть? Сейчас буду!

Курочкин в возбуждении повернулся к своему заму:

– Ты представляешь, Анастасий! Какие-то бандиты пикет обстреляли! Двое мертвых, трое раненых, выяснишь, где живут, отвезешь семьям еду, собери передачу качественную, рыбку красную, вон, со стола возьми, чего не доели. И по триста рублей из фонда администрации... или нет, двести рублей отвезешь, нехай им хватит.

– А кто же стрелял-то? – с изумлением спросил зам.

– Найдем! Найдем и три шкуры сдерем!

И тут в кармашке у мэра зазвонил сотовый.

– Курочкин слушает.

– Про пикет слышал?

– Кто говорит? – закричал Курочкин.

– Слушай сюда, харя. Не кончишь с забастовкой, следующая пуля будет для тебя, въехал?

– Кто говорит? – отчаянно возопил Курочкин, но трубку уже бросили.

– Твою мать! – сказал бледнеющий мэр.

Мир внезапно поблек, трехэтажная усадьба как-то съежилась в размерах, и даже заграничный пистолет-пулемет «Аграм» больше не казался символом преуспевания, навроде золоченой шпаги французского аристократа, а напоминал о бренности бытия.

* * *

Было уже четыре часа утра, когда Денис Черяга подъехал на своем «мерсе» к одноэтажному домику на окраине Чернореченска. Свет в домике еще горел: заслышав шум автомобиля, на крыльцо вышла сухонькая, маленькая женщина с седыми волосами и серыми большими глазами.

– Мама! – позвал Денис.

Женщина неверными шажками сошла с крыльца и ткнулась Денису под мышку.

– Дениска! – сказала она, – Дениска! А у нас несчастье.

– Я знаю, – проговорил Черяга.

Арина Николаевна горько заплакала.

Денис прошел в комнату и бросил на стол пластиковый пакет. В пакете были вещи из карманов Вадима: кошелек, ключи, записная книжка. Словом, все, не считая изъятых ТТ и обоймы к нему.

Комната была та самая, в которой он спал в детстве, – низенькая горница с деревянным полом и пружинной кроватью. Денису было лет двенадцать, когда в комнате прибавилась вторая кровать, и в кровати обосновался маленький плачущий сверточек – Вадим.

В детстве в комнате стоял большой шкаф с бельем и зеркало в деревянной раме. Дверца шкафа была постоянно закрыта, и по большим праздникам мать открывала дверцу и доставала с верхней полки шоколадку. Шоколадок в это время в магазинах не было, и Денису казалось, что наверху шкафа есть необозримый запас сладостей, но когда он наконец подобрал гвоздь и открыл дверцу, там была всего одна шоколадка.

Тогда же, в детстве, возле шкафа висела большая репродукция картины Айвазовского. На свадьбу родителям Дениса подарили огромную коробку конфет, а внутри коробки, поверх сладостей, лежала эта репродукция. Коробку съели, а картинку повесили на стенку.

Теперь репродукции в комнате не было. В углу, около печки, стояла хорошая стереосистема. С флангов к черным динамикам примыкали две пустые бутылки из-под водки. Стены комнаты были оклеены плакатами с голыми девицами, а сбоку от шкафа красовался Сильвестр Сталлоне со станковым пулеметом наперевес.

Денис вывалил содержимое пластикового пакета на стол. Большой, дорогой по виду бумажник был пуст, если не считать двух десятков, – судя по всему, в ментовке успели вынуть деньги. Кроме мелочи, в бумажнике обнаружилась потерянная фотография девушки и клочок

бумажки с телефоном. Ключок был засунут в боковое отделение и потому уцелел. Номер был местный, пятизначный – 3–83–15. Девушка была очень хорошенькая: изящная головка на тонкой шейке, маленькие накрашенные губы и большие глаза, осененные сосновыми иглами ресниц.

Рядом с бумажником лежал сотовый телефон, связка ключей и записная книжка. Там же была и пачка сигарет. Сигареты были хорошие, «Кемел», но под дождем они размокли, и в ментовке на них не польстились. Ключей было штук пять или шесть, два, скорее всего, от «Девятки», которую Денис заметил во дворе, и еще ключ от двери с сейфовым замком. Сейфовых замков в доме не было. Ключ, наверное, был от квартиры невесты.

Записная книжка была истрепана до неприличия, фамилии в большей части записей не фигурировали, а все больше имена или клички. Прямо внутренней стороне обложки было записано и вовсе непонятное: «В.И». И шестизначный номер – 87 92 74. Шестизначных телефонов в Чернореченске не было. Шестизначные телефоны были в областном центре. Или в соседнем Ахтарске.

Денис сложил все вещи обратно в пакет и открыл дверцу шкафа. На полках вперемишку лежали чистые майки и грязные джинсы. В нижнем ящике, в котором Вадим с детства обожал прятать коробочки с жуками и тому подобные сокровища, обнаружилась жестяная коробка.

В коробке лежал небольшой пистолет сантиметров двадцати длиной, с деревянной рукоятью и надписью Tokagurt 58. Чуть поближе к рукояти, после заводского клейма, значилось: made in Hungary. Собственно, это был классический российский ТТ, бесплатно подаренный в порядке братской помощи строящему социализм венгерскому народу. В отличие от ТТ, венгерский его кузен имел удобный «кольцовский» предохранитель и калибр девять миллиметров. Явный братишка той волены, которую три часа назад изъяли менты.

Денис понюхал ствол: из пистолета не стреляли по крайней мере несколько дней, и то спасибо.

Рядом со стволом лежала вещь менее серийная: самодельный кастет. Четыре литых кольца, к которым какой-то умелец припаял выкидной нож.

Денис тщательно вытер свои отпечатки пальцев на стволе и кастете, и запихал коробку обратно под тряпки.

Глава вторая

Град Чернореченск и его обитатели

Проснулся Денис поздно. Круглое солнце светило сквозь застиранную кружевную занавеску: солнце было такое большое, а окошко такое маленькое, что солнце занимало половину окошка.

За печкой – а в комнату выходила задняя стена кухонной печки – громко играло радио, и под печкой лежал большой серо-белый кот. Черяга прислушался – радио громко обсуждало вчерашнее происшествие. Диктор возмущался бандитским произволом и цитировал слова профсоюзного лидера Валентина Луханова, произнесенные утром на митинге. Лидер сказал, что народ не запугаешь и что вчерашний расстрел – это дело рук спецслужб, служащих своим кремлевским хозяевам.

У стола, спиной к Денису, стояла девушка и копалась в пластиковом пакете с вещами Вадима. Денис даже не пошевелился, но, видимо, девушка что-то почувствовала и стремительно обернулась.

– Ой! Извините! – сказала она, – я... я ключи искала.

В жизни девушка была еще красивее, чем на фотографии. На ней был летний синий сарафан, не скрывающий ни точеных ножек, ни бархатных плеч. На узком смуглом личике красным пятном выделялись полные, слегка накрашенные губы, и только глаза девушки подкачали: синие круги вокруг них живо свидетельствовали, что девушка в эту ночь мало спала и много плакала.

Денис очень хорошо видел, что когда он проснулся, девушка держала в руке не ключи, а записную книжку. Он хотел об этом сказать, но горло у него почему-то пересохло, и он только глядел на девушку, раскрыв глаза и судорожно подобрав высунувшиеся из-под одеяла ноги с желтыми и, кажется, слишком давно стриженными ногтями.

Она потупила глазки и несмело улыбнулась.

– Я – Ольга, – сказала она, – невеста Вадима. А вы – его брат? Который следователь?

Денис кивнул.

– Ой, да что же я тут стою! – встрепенулась девушка, – вам же одеться надо!

И выскочила вон.

Денис выбрался из постели и прошел на кухню. Мать его возилась у печки. Ольга уже стояла у обеденного стола и резала морковь, видимо для винегрета, и голова ее была опущена низко-низко. Некоторое время Денис слышал только стук ножа, а потом Ольга вскрикнула: острый шинковочный нож задел ее палец. И тут же плечи ее согнулись, она уткнулась носом в морковь и начала плакать.

– Олечка, что ты! – начала было его мать, но тут девушка в последний раз всхлипнула, пробормотала – «извините», – и вылетела в тамбур, туда, где рядом с чуланом располагался бревенчатый холодный сортир.

Арина Николаевна развела руками.

– Вот так, – сказала она, – жалко девочку. Она Ивановых дочка – знаешь, в третьем ряду жили, пока им квартиру не дали.

Денис смутно вспомнил Ивановых и крошечную семилетнюю девицу с косичками.

– А ты что не плачешь, мама?

Арина опустила глаза.

– Да я уже устала плакать. Когда в колонии был, плакала, когда домой пьяный приходил, плакала. Так я и знала, что с ним плохое будет.

– Там не в него стреляли, – сказал Денис, – там в пикет стреляли.

– Ну вот и тебе лучше, – проговорила Арина Николаевна, – ведь тебе же лучше, если твоего брата не в пьяной драке убили?

Дверь хлопнула, и в кухне опять показалась Олечка. Она уже успела привести себя в порядок и даже подкрасить бровки, и теперь глядела на Дениса устало и как-то жадно.

Пока Денис чистил зубы и одевался, женщины сготовили нехитрый завтрак. За стол сели в полном молчании.

– Там с работы звонили, пока ты спал, – сказал Арина Николаевна, – сказали, что все хлопоты берут на себя. Сказали, что похороны в среду в десять утра.

– А кто звонил? – спросил Денис.

– Не знаю. Они и не сказали.

– А где Вадим работал? – спросил Денис.

Оля как-то замялась, а Арина Николаевна ответила:

– В банке, охранником.

– Каком банке?

Арина Николаевна даже удивилась вопросу, а Оля пояснила:

– У нас Чернореченсксоцбанк самый крупный. Его все просто банком называют.

* * *

В далекие-далекие времена, когда на шее Дениса трепетали концы красного пионерского галстука, а шахтерам перед сменой бесплатно выдавали «тормозок» с толстым шматом сала, Чернореченск казался Денису огромным городом. Он простирался во все стороны от памятника Ленина перед горкомом и до мрачного бетонного забора завода номер 127, от новенького корпуса горбольницы, за постройку которой на уроках благодарили партию, и до первых шахтоуправлений по Челябинскому шоссе, и чтобы пересечь весь город пешком, нужно было целых тридцать минут.

Теперь город похудел и ссохся, как ссыхается восьмидесятилетняя старушка. Не надо было быть врачом, чтобы поставить диагноз больному: город умирал.

Кроме шахт, в Чернореченске не было ничего.

То есть раньше здесь еще был машиностроительный завод номер 127, на котором делали дизельные подводные лодки. Трудно сказать, чем руководствовались светлые умы в Госплане, размещая завод подводных лодок на границе между казахскими степями и сибирскими равнинами. Наверное, соображениями секретности.

Впрочем, ходили слухи, что в шестидесятых местный секретарь горкома, бывший моряк, в лепешку расшибся, дабы пробить для города нужный родине оборонный завод, полагая, что вместе с оборонным заводом в город явятся колбаса и молодежь. Отдельным маловерам, намеревавшимся, что завод по производству подводных лодок за пять тысяч километров от любого моря строить невыгодно, заткнули рты. «Что значит невыгодно? – сурово спросил секретарь горкома, – мы что, капиталисты с загнивающего Запада, дабы руководствоваться выгодой? Нам ничего не должно быть жалко для укрепления боеспособности Родины!»

И завод был выстроен, хотя, как уже было сказано, никакого водоема крупнее лужи на Щеклицком шоссе в городе не наблюдалось. Впрочем, лужа была большая и в сезон дождей в ней даже как-то утонул пьяный тракторист, вывалившийся на ходу из старенькой «Беларуси».

Сейчас завод, понятное дело, впал в кому. Подводные лодки ему как-то никто не заказывал, а возить из Сибири мини-балкеры или какие там морские посудины было накладно. Сунулась было на завод какая-то омская компания, возжелавшая наладить выпуск не то катеров, не то снегоходов, но директор, доворовывавший последние станки, завопил, что иностранные шпионы в лице омичей желают за копейку прибрать к рукам секретное военное производство и тем нанести непоправимый удар обороноспособности страны. Омичи и правда платили

недорого, благо завод по производству подводных лодок в Сибири стоил примерно столько же, сколько завод по производству льда на Северном полюсе. В общем, после вопля директора омичей с позором выгнали, завод внесли в список неприватизируемых предприятий стратегического значения, и больше никто не мешал директору разворовывать его дальше.

Чернореченсксоцбанк располагался на главной площади города, напротив обкома партии, в новой своей инкарнацией называвшегося мэрией, и наискосок от здания «Чернореченскугля». На площади чернела толпа, и Черяга испугался было, не разгневанные ли это вкладчики – но тут же увидел, что толпа стоит подальше от банка и поближе к угольному концерну.

Перед зданием концерна стоял грузовик, из дощатого кузова надрылся человек.

– Мы не отступим перед провокациями Москвы и натовских спецслужб! – кричал человек – вечная память товарищам, павшим в борьбе за правое дело!

Новость о расстреле пикета, видимо, оставалась новостью номер один.

Но опытный взгляд Черяги уже заметил в ней некоторую удивительную странность – никто как будто не спешил называть виновников происшествия, хотя на первый взгляд это было несложно. Не так много «Мерседесов» с ахтарскими номерами имелось в распоряжении «новых русских», чтобы никто не мог вычислить, кто именно пригрозил пикетчикам «мы еще вернемся».

Черяга остановил машину прямо перед зданием банка.

Дом был трехэтажный, весь в завитушечках эркеров, ложных арок и стрельчатых окон. Еще в детстве дом этот всегда напоминал Черяге торт, усаженный кремовыми розочками. У торта была вполне заслуженная трудовая биография: он был выстроен в начале века местным купчиком, затем конфискован под ГубЧК, а после войны отдан горкому комсомола. Теперь торт сверкал новой бледно-голубой краской, и белые, высоко изогнутые брови эркеров как бы удивленно глядели на Дениса сверху вниз. Денис запер машину и прошел внутрь. Пятнистый охранник с автоматом заступил ему дорогу.

– Вы к кому?

Черяга вынул красную книжечку.

– У вас кто главный по безопасности?

Через пять минут к Черяге спустился высокий пожилой человек при галстук и кобуре. Звали человека Аркадий Головатый. Головатый внимательно изучил черягинскую книжечку и поинтересовался:

– Вы Вадиму не родственник?

– Брат.

– Мои соболезнования.

Они вместе прошли в небольшой кабинет на втором этаже. Кабинет был хороший и светлый, и плотные шторы на окнах, несмотря на солнечный день, были задернуты, чтобы не давать бликов на вделанную в стену гроздь мониторов. Мониторы почему-то были выключены. В правом углу кабинета, близ стола, стоял пузатенький ребристый сейф. Показалось Черяге или нет – но Головатый кинул на сейф какой-то затравленный взгляд.

– Садитесь, – радушно сказал начальник охраны, и Черяга опустился в большое удобное кресло напротив стола.

Мониторы системы наблюдения вспыхнули на секунду, показывая пустой коридор банка и толпу на площади, и опять погасли. «Что-то у них барахлит система», – отметил Денис.

– Мой брат от вас шахтерам еду возил? – спросил Черяга.

– Нет, – удивился начальник охраны, – он четвертый месяц как ушел.

– Ушел? Отчего?

– Ну если точнее, его уволили. Вымогал у ларечницы деньги.

– И куда он ушел?

– Понятия не имею. Вы, конечно, брат и можете обидеться...

– Не обижусь.

– Он от нашего имени вымогал деньги.

Черяга помолчал.

– И что же вы с ним сделали?

– Не убили – и то скажи спасибо. Его счастье, что он только начинал. А то за такое и без яиц остаться можно. Дерьмо был ваш братец, Денис Федорович, и ваше счастье, что его вчера хлопнули, а не во время бандитской разборки. Потому что биографию он бы вам точно испортил – как же, важняк, а брат – в преступной группировке.

– Чьей?

– Я уже сказал – откуда я знаю?

В голосе начальника охраны неожиданно прорезалась истерическая нотка – так визжит басыстая пила, натываясь на вросший в бревно гвоздь.

– А вы уверены, что стреляли именно по пикету? – спросил Черяга.

– А по чему же? По воробьям, что ли?

– Ну представьте себе, что стреляли по Вадиму, а пикет попался заодно.

– Да кому он сдался, – с досадой сказал Головатый, – тут вони от этого дела! Мэру уже из Москвы звонили, телефон оборвали. Кто будет так шестерку убирать – левой ногой через правое ухо?

– А кто стрелял в пикет?

– А я-то откуда знаю? Я начальник УВД или банк охраняю?

– Но говорят, туда днем подъезжал «Мерседес». Не так много таких машин в Ахтарске...

– А кто его знает, «Мерседес» или не «Мерседес». Там двадцать человек было, один говорит «Мерседес», другой «Вольво», третий «Пежо». Шахтеры что, в иномарках разбираются? «Мерседес» на слуху, вот они и говорят, – «Мерседес». А может, не «Мерседес». Может, «Ауди». А может, «Шкода», извините за неприличное слово...

– Ну, «Шкода» вряд ли...

– Согласен. Но факт остается фактом – любой ахтарский новый русский или авторитет мог вчера напороться на этот пикет. Вы думаете, в Ахтарске иномарок мало? Только у меткомбината – тридцать «Ауди». Ихний директор, Извольский, жутко кататься любит. Зальется по ушки – в тачку и в путь. Один гаишник его остановил и с работы вылетел. Теперь они так делают: все остальное движение блокируют, а тачка пьяного директора по осевой летит. Разобьется, так хоть в одиночку.

– Я его вчера по радио слышал, – сказал Черяга.

По радио директор Извольский вовсе не звучал, как человек, который рассекает по осевой. Он звучал, как человек, который катался по улицам – и расшибся насмерть.

Было ясно, что никаких животрепещущих фактов Черяге в этом кабинете не обломится, потому как господин Головатый из тех людей, кто относится к фактам скупно, как Центробанк к золотовалютным резервам, и всегда предпочитают их хранить на донышке души или что у них там душу замещает. Черяга уже привстал, прощаясь, а потом вдруг неожиданно спросил:

– Аркадий Петрович, вы извините, что спрашиваю. Я отсюда пятнадцать лет назад уехал. Тогда, при советской власти, в городе куча собак была. Просто стаи повсюду бегали. А сегодня я ни одной собаки что-то не видел. Что с ними случилось?

– Съели собак, – сказал начальник охраны.

– Кто?!

– Как кто? Шахтеры. И сурков всех съели в степи.

Кабинет Головатого был расположен на втором этаже, сразу за длинной чередой дубовых дверей с табличками «председатель правления», «первый зам. председателя». Где-то сверху бесшумно дышал кондиционер, августовское солнце дробилось на свежепокрашенных стенах, и сквозь огромные окна площадь внизу и собравшийся не ней народ казались незначительной

деталью пейзажа. Было крайне странно, что человек, ответственный за безопасность банка, не знает, к кому ушел его бывший охранник. По идее Головатый должен знать каждого братка в городе, и если он этого не знает – его пора выгонять за профнепригодность. Аркадий Головатый не производил впечатление профнепригодного человека.

Черяга медленно пошел к лестнице, разглядывая по дороге таблички.

– Дениска! Ты?

Черяга оглянулся. Из кабинета справа выглядывал полный сорокалетний мужчина с буйной шевелюрой и глазами цвета чернослива, прятавшимися за толстыми стеклами черепаховых очков.

Денис некоторое время стоял удивленно, а потом спросил:

– Кеша?

Иннокентий Стариков, более известный своим соученикам по 2-й городской школе как «попугай Кеша», рассмеялся и хлопнул Дениса по плечам.

– Каким ветром к нам занесло?

– В отпуск.

– И как же ты до нас добирался?

– На машине.

– Хорошая машина-то?

Денис молча ткнул в окно:

– Вон стоит.

Кеша молча уставился на темно-зеленый внедорожник, ожидавший хозяина на площадке у входа.

– Ну ты даешь! – сказал он с добродушной завистью. – Прямо как у Извольского.

– Что?

– У Извольского, директора Ахтарского металлургического, такая же тачка. Я даже думал – не он ли прикатил плакаться перед шахтерами? А это, оказывается, твой. Слушай, ты обедал?

– Нет.

– Пойдем, угощаю. У нас внизу отличная столовка.

Столовка внизу Чернореченсксоцбанка оказалась скорее уютным ресторанчиком. В небольшом подвальчике тихо журчала музыка, на крытых скатертями столах стояли свежие букетики цветов, и официантки в коротких юбочках покачивали бедрами вполне соблазнительно.

При виде Кеши Старикова они вполне засуетились: видно, он занимал в банке немалый пост.

– Слушай, – спросил Стариков, – а ты вроде юридический кончал? Ты где сейчас работаешь?

– В Генпрокуратуре. Важняк.

Стариков едва не поперхнулся коньячком, и тут же усиленно задвигал ушами, видимо соображая, откуда у следователя-бюджетника джип такой же, что и у директора металлургического левиафана. Видимо, соображения Старикова оказались весьма для Дениса благоприятны, он просиял, залпом проглотил коньяк и хмыкнул:

– Надо же! То-то твой братишка говорил, что с тобой посоветуется.

– О чем?

Глаза Старикова сузились и стали как две смотровые щели:

– А он не посоветовался?

– Нет. Так о чем он должен был посоветоваться?

– Ну как о чем. Жалко парня. Отсидел на малолетке, вернулся – а тут капитализм ан фас и в полный рост. Куда ему податься? В верхи не берут с его биографией, а низам не платят. Сильно ему хотелось из этой помойки наверх выпрастаться, а его еще раз утопили.

– Это когда за рэкет чуть не посадили?

– Ну да.

– А что там случилось?

– Да я, извини, не безопасностью в банке занимаюсь. Но я так понимаю, что Вадик был приставлен к нам от определенных кругов, чрезвычайный и полномочный атташе при правительстве союзной страны. И нашему Головатому это надоело, и он устроил всю эту историю с ларьком и рэкетом.

– Подстроил?

– Зачем подстроил? Это некачественная работа – выдумывать, чего не было. Насколько я слышал, все имело место в самом натуральном виде: жалоба ларечницы, и доблестная операция по задержанию рэкетиров областным РУБОПом. Операция чрезвычайно неприятная для Вадима, ибо в ходе дальнейших разбирательств выяснилось, что имело место некоторое крысятничество, и что суммы, которые твой братец приносил определенным кругам, были несколько меньше тех сумм, которые взимались с торговцев.

– И на кого Вадим работал?

Тут Кеша, кажется, понял, что наговорил лишнего.

– Да слушай, – покраснел он, – откуда я знаю? Я зампред, а не следак, мое дело пассив с активом сводить.

Задумался и выудил из внутреннего кармана пиджака прямоугольничек визитки.

– На вот, возьми.

Тут официантка в юбочке размером с носовой платок принесла старым друзьям по глубокой тарелке душистой ухи и по двум востороносным пирожкам с блестящей от масла корочкой, и Кеша с увлечением начал хлебать уху.

– Ну, как тебе наш прифронтный город? – спросил Стариков немного погодя, когда неприятный разговор об «определенных кругах» был забыт, и утерян, и заеден горячим пирожком с вязигой, – Кошмар! Палаточный городок, что твоя крымская бухта. Я свою семью в Испанию отослал, не дай бог, эти гаврики людей бить начнут.

– Не начнут, – сказал Черяга.

– Ты уверен?

– Я уже спрашивал, почему, мол, сидите на рельсах, а не громите посредников. А они мне отвечают, что посредников охраняют менты и бандиты.

– Но опять-таки, – указал Стариков, – зачем они сидят на рельсах? Чтобы власть разобралась с посредниками и особняками. Так какая разница, кто стекла бить будет – шахтеры или РУБОП?

– А что, тебе есть за что бить стекла? – спросил Черяга, – ты же вроде как банкир, а не посредник.

– Ах, Дениска! В нашем городе два сословия – те, кто добывает уголь, и те, кто его продает, и нет в Чернореченске ни копейки, на которой бы не было угольной пыли. Будь то копейка сиротская или бандитская.

– И как же ваш банк связан с угольщиками?

Попугай Кеша развел полными, белыми руками. На левом запястье сверкнули платиновым светом Vacheron Constantin.

– Счета «Чернореченскугля» мы держим? Мы. Опять же бюджетные счета... Виталий Афанасьевич!

Попугай Кеша даже привстал.

В полуподвальчик спускался важный мужчина в белом пиджаке и белых же брюках. Рядом с ним семенила крупная женщина в сиреновом костюме и с огромными золотыми серьгами в ушах. Третьим шел Головатый.

– Вот, Виталий Афанасьич, познакомьтесь, – сказал попугай Кеша, – мой бывший школьный приятель, а теперь следователь по особо важным, из генеральной прокуратуры, – Денис Черяга. Да ты, Данька, может, помнишь Витю Лагина – он с Ростовской улицы?

– Здравствуйте, – сказал Денис, вставая. По внезапно изменившейся суетливой манере Кеши он понял, что перед ним глава Чернореченсксоцбанка.

– А это Елена Сергеевна, наш главбух.

Елена Сергеевна качнула огромными серьгами и приятным баском спросила:

– И что же следователь делает в нашем банке?

– Я так понимаю, что вы приехали разбираться с угольными деньгами? – осведомился Виталий Афанасьевич.

– Они пусть сначала разберутся, кто кабель украл, – обиженно сказала главбух.

– Какой кабель? – спросил Денис.

– Да телефонный кабель, двести метров, – с неохотой ответил попугай Кеша, – врезались в асфальт и вытянули кабель.

– У нас тут самое распространенное преступление, – пояснил Виталий Афанасьевич, – кража цветных металлов. Кабели крадут, провода срезают, из шахт все что можно повытаскивали. На прошлой неделе двое шахтеров на этом деле поджарились...

– Есть нечего, вот и крадут, – сказал Денис.

– А почему им есть нечего? – спокойно полюбопытствовал Виталий Афанасьевич. – Почему мне есть чего, Кеше есть чего и всем, кто сидит в этом ресторане – есть чего есть? И почему за одно только, что я заработал себе на жизнь, те, кто не зарабатывают ничего, считают меня паразитом и тунеядцем?

– Так о кабеле, – спросил Денис, – когда его срезали?

– Вчера, – это сказал председатель правления банка.

– Тут не то плохо, что его срезали, – заявила бухгалтер, – а то, что к нему сигнализация была подключена. Представляете? Всю ночь банк стоял без охраны! А если бы кто-то залез?

Денис вспомнил неработающие мониторы в кабинете Головатого. Взглянул на заместителя по безопасности – и обомлел. Губы Головатого сжались, на щеках внезапно вспыхнул багровый румянец. Потом начальник службы безопасности лучезарно улыбнулся и сказал:

– Ну как же можно так говорить, Елена Сергеевна? Хранилище у нас защищено дополнительно, у входа охранники...

– А если кто-нибудь бы вошел в кабинет? – возразила женщина. – В ваш сейф или вот к Виталию.

– Ну, слава богу, денег у меня в сейфе нет, – с равнодушной улыбкой сказал Виталий Лагин. И никто мой сейф не вскрывал.

Потом глаза его просияли, и он добавил:

– Кстати, Денис Федорович, – завтра вечером у нашего банка день рождения. Второй годик нам исполнился, уже зубки прорезались, ха-ха-ха! Милости просим пожаловать!

– Куда? – спросил Денис.

– Да ко мне домой. Вы знаете, сейчас время беспокойное, мы решили это событие громко не отмечать, так, в близком кругу... Алаховку знаете?

– Знаю, – несколько удивившись, сказал Денис.

– Ну, так вы до Алаховки доедьте, спросите, где дом Лагина, вам каждый покажет.

Выйдя из здания банка, Денис внимательно рассмотрел визитку, врученную ему попугаем Кешей. Визитка была напечатана на плотной розовой бумаге с золотой каймой. Аршинными синими буквами на визитке значилось: Иннокентий Иванович Стариков, первый заместитель председателя правления Чернореченсксоцбанка. Справа красовался герб вышеназванного банка. Герб изображал дракона, вцепившегося в кусок черного, поблескивающего на

изломе угля. В целом визитка удивительно напоминала букет в стиле «бидермейер». На обратной стороне карточки значился нацарапанный Кешей сотовый телефон – 5–13–83.

Если записать этот телефон наоборот, то получался как раз тот номер, который был нацарапан на клочке бумаги, засунутом в бумажник Вадима.

Городской главпочтамт располагался на проспекте Коновалова, в двух шагах от банка, и был сплошь оклеен старыми плакатами. Рекламы почти не было – никакой «Джонсон и Джонсон» не собирался терять деньги на то, чтобы уговаривать жителей нищего Чернореченска мыть головы именно его шампунем. «Джонсон и Джонсон» знал, что в Чернореченске все равно нет горячей воды. Наверное, если бы «Джонсон и Джонсон» разработал средство от вшей, он бы мог рекламировать его в Чернореченске. Но средства от вшей у западных компаний не было, и предложить бастующим шахтерам им было нечего.

Поэтому плакаты на главпочтамте расхваливали совершенно однотипный товар – кандидатов в губернаторы. Трое кандидатов были старые и мордастые, один – лет сорока. У сорокалетнего были пухлые порочные глаза и нос пятачком, он прижимал руку к большому нательному кресту и улыбался, как фарфоровый кот. Надпись под плакатом призывала голосовать за Михаила Никишина. Черяга почему-то отметил этот плакат и эту фамилия, – наверное, потому, что десять лет назад директора производственного объединения «Чернореченскуголь» тоже звали Никишиным.

Плакаты были старые, выборы прошли шесть месяцев назад, и кто-то содрал большую часть Никишинских плакатов. Улыбка Никишина осталась – она была намертво приклеена к старой облезлой штукатурке.

Денис зашел на почту, набрал код областного центра и номер, записанный на обложке записной книжки Вадика: 87 92 74. «Неправильно набран номер», – пожаловался автомат.

Денис повторил попытку, набрав код Ахарска. Телефон взяли немедленно, и приятный девичий голос произнес:

– Приемная Извольского. Слушаю.

Денис повесил трубку и вышел из кабинки.

* * *

Спустя два часа Денис Черяга остановил машину у железнодорожной станции «Чернореченск».

Станция была маленькая, одноэтажная, с загаженным перроном и туалетом типа «сортир», пристроенным к торцу. Пути были оголены и брошены, и разбитые посередине них палатки напоминали городок археологов, раскапывающих остатки древней цивилизации, погибшей вследствие каких-то невиданных катаклизмов. Во всю сторону полотна тянулся лозунг: «Ельцин, мы тебя поставили, мы тебя и снимем!» Чуть подальше густел митинг, и грузный человек поносил в матюгальник правительство.

Большая часть обитателей палаток на митинге не присутствовала – надоело. Денис прыгнул на рельсы и подошел к трем мужичкам, старавшимся над буханкой хлеба возле старой, выдавшей виды палатки.

– Привет, ребята, как жизнь? – спросил он, усаживаясь на рельс.

– А ты кто такой?

– А я следователь. Из Москвы. Будем тут расследовать, как уголь воруют.

– А как воруют? – обиженно сказал один из шахтеров, – вон, как ни придешь, всегда какой-нибудь грузовик стоит и грузится. Начальника смены спросишь, куда грузовик, а он с три короба наплетет.

– Они когда пласт-то мерят, они должны у забоя мерить, – поддакнул другой, – а они на метр отступят и мерят. Там, в глубине-то, пласт породой прижало, он сантиметров на пять уже.

– Ну и что? – спросил Черяга.

– А ты сам подумай, пласт девяносто сантиметров, и с этих девяноста сантиметров пять неучтенные. Тут не то что на грузовик, тут на вагон хватит.

– Вам сколько зарплаты не платили? – спросил Черяга.

– Мне восемь тысяч должны, – сказал один шахтер.

– А мне десять. Вон, у нас Ваське ничего не должны. Потому что дурак.

– Как – ничего не должны? – удивился Черяга.

– А у нас же магазин есть, – «Слава труду». Тоже шахтоуправлению принадлежит, а в нем в долг можно все забирать.

– Так хорошо же! – недоуменно сказал Черяга.

– Ага хорошо! На рынке буханка стоит два рубля, а в «Труде» четыре пятьдесят. Телевизор – вон, точно такой, в магазине стоит за три тысячи, а в «Труде» он шесть. Вон Васька купил телевизор в счет долга, а тот через месяц кончился. Самое дерьмо туда везут, в «Труд», и еще в очереди надо стоять.

– А кто этим «Трудом» заведует? – заинтересованно справился Черяга.

– Да все те же директора и заведуют. Во! Сынок Никишина.

– А что – Никишин до сих пор директор? – уточнил Черяга.

– А куда он денется?

– Ворье собачье, – сказал один из шахтеров, – как при советской власти над нами были, так и теперь. Мы для них быдло.

– Младший Никишин еще в губернаторы баллотировался, – усмехнулся один из шахтеров, – своровал наши деньги и весь город плакатами оклеил – аж три процента получил головосов!

– Во-во, три процента получил и лет получил тоже три, – добавил кто-то и пояснил, обращаясь к Черяге, – он ведь сидел, сыночек-то – три года.

– За что?

– За изнасилование.

– Они что делают? – добавил третий, – они нам выписывают зарплату, а потом говорят: ах извините, мы вам лишнее насчитали, мы у вас в следующем месяце вычтем. Ну что же! Соглашаешься, вычитают. А потом эти деньги куда деваются? Они же обратно из фонда заработной платы не возвращаются, их директора между собой делят.

Вокруг Черяги понемногу собиралась небольшая толпа, привлеченная свежим лицом и интересным разговором.

– Ты вон туда посмотри, – сказал Черяге один из новоприбывших.

Черяга посмотрел и ничего не увидел: за железнодорожными путями тянулась густая лесополоса.

– Рынок наш алафьевский знаешь? – спросил шахтер.

Черяга вспомнил, что за деревьями близ станции и вправду должен быть рынок.

– Каждый день там наркотой торгуют, – продолжал шахтер, – во! Все что хочешь можно купить, стакан «чернухи» – как стакан семечек!

– А кто торгует-то? – спросил Черяга.

– А кто их знает? Бандиты.

– А в пикет кто вчера стрелял?

– Говорят, спецслужбы, – сказал один из шахтеров. – Специальную бригаду из Москвы прислали, чтобы нас запугать.

– Какие спецслужбы! Бандиты стреляли, Никишин их нанял, чтобы мы разошлись!

– А вот и спецслужбы, сдохнуть если вру! И Лухан то же сегодня по радио сказал!

– Предатель твой Лухан рабочего класса, наймит директоров, точно тебе говорю!

– Ага! А то вы, коммунаки, не предатели! Семьдесят лет на нашей спине как сидели, так и сейчас сидите – вон Никишин, он что, без партбилета командовал?

Поднялся гвалт. Шахтеры обсуждали все сразу – и директоров, которые как помыкали ими при советской власти, так и помыкают сейчас, и спецназовцев, которых сегодня кто-то признал в двух крутых парнях, выходявших из местной гостиницы и садившихся в иномарку типа «тойота королла» с московскими номерами; и кто-то порывался идти в гостиницу и бить их смертным боем, а кто-то возражал, что вряд ли спецназовцы были такие лопухи, что приехав в город, поселились в гостинице, потому что у спецназовцев должны быть явки, пароли и тайные квартиры. А потом все как-то замолкло, и один шахтер грустно сказал:

– У Завражина жена осталась и трое детей.

– А второй убитый, Черяга, – вы его знаете?

Шахтеры зашумели снова. Большая часть голосов склонялась к тому, что они Черяги не знают, но один, самый пожилой, заявил:

– Да нет, был тут паренек, от спонсоров хлеб возил.

– А от каких спонсоров?

– Да хрен их знает. Спросите у Лухана.

– А кто такой Лухан?

Шахтер ткнул пальцем поверх митинга, туда, где старался человек с мегафоном.

– Вон распинается. Босс наш профсоюзный.

* * *

Так получилось, что профсоюзный босс Валентин Луханов, долезший по шахтерским плечам аж до областной Думы, проморгал нынешние волнения. Не то чтобы вовсе: но дело в том, что волноваться шахтеры как будто не собирались. Однако в прошлую пятницу программа «Время» оповестила Россию, что с понедельника шахтеры Чернореченска приступают к бессрочной забастовке – наряду с уже бастовавшими братьями из Инты, Ростова и Анжеро-Судженска. Чернореченский профсоюз, доселе и не подозревавший о неминуемости забастовки, от такой вести, натурально, взволновался, а взволновавшись, в понедельник сел обсуждать вопрос о забастовке. Было решено объявить предупредительную двадцатичетырехчасовую стачку. Тем временем к профсоюзу подошли шахтеры, которые тоже смотрели в пятницу программу «Время», но Валентин Луханов со товарищи был занят важным делом: обсуждали внебюджетный фонд помощи горнякам и выйти к шахтерам не мог.

Важные дебаты были прерваны только ментами, которые ворвались в зал заседаний с криком, что обидевшиеся шахтеры идут к железной дороге; решение о стачке было настолько спонтанным, что со станции не успели предупредить машинистов электричек, и одна из них, вереща в полный голос, проскочила мимо рассыпавшегося во все стороны пикета.

Теперь Валентин Луханов старался оправдать шахтерское доверие и потому был настроен куда более агрессивно, нежели обычно.

– Нас не запугаешь! – громко говорил он с трибуны, – агенты Кремля и МВФ вчера расстреляли наших товарищей! Не дадим взять над собой верх акулам мирового империализма! Ура всеобщей стачке! Ура отставке правительства! Вперед, товарищи!

– Кукиш с маслом тебе товарищ, – раздалось из рядов, – ишь, ряшку наел.

Ряшка у Луханова была действительно наеденная, и наедена она была в ресторанах за чужой счет: но Луханов, как и подобает большому политику, не смутился чужой брани и закричал еще громче:

– Товарищи! Мне сегодня звонили уже несколько раз, и угрожали физической расправой, если мы не прекратим забастовку! И такие же звонки были мэру! Но нас не запугаешь! Да здравствует рабочая солидарность!

– Ура! – закричал кто-то тоненько.

Как уже было сказано, вследствие частых чиновных визитов пребывавшие на рельсах шахтеры пресытились зрелищами и выступлениями и большую часть времени мирно резались в карты, снисходя только к самым выдающимся артистам, предпочтительно из столицы – как-то г-ну Немцову или г-ну Сысуеву.

Луханов, понятное дело, к категории этих мастеров эстрады не принадлежал, и потому на его выступление собрались только те, кто был жгуче в нем заинтересован, а именно – представители Независимого профсоюза угольщиков. Эти радикальные потомки Троцкого и Кропоткина ненавидели всякий истеблишмент за одно только, что ни к какому истеблишменту не принадлежали, и с их точки зрения политических маргиналов товарищ Луханов был неотличим от того же господина Немцова. Кроме того, он занимал в сердцах рабочих место, на которое не без основания притязал вождь и наставник независимого профсоюза Коложечкин.

– Долой бандитских прислужников! – откликнулся на Лухановский клич сам Коложечкин.

– Лухан, уходи! Лухан, уходи! – закричали люди снизу, мощно и дружно работая глотками, словно по палочке невидимого дирижера.

В Луханова полетел сор и тухлые помидоры.

– Это провокация! – закричал Луханов, – на помощь! Ребята! Наших бьют!

– Лухан, уходи!

Черная стена независимых профсоюзников быстро и грозно потеснила хлипкие ряды приближенных Луханова. Линия его сторонников внезапно прорвалась, и со всех сторон на трибуну полезли скособоченные рожи.

– А-а! – закричал Луханов, совершенно забыв человеческие слова и только понимая, что экспроприация экспроприаторов, о которой он так долго и часто рассуждал перед депутатами и журналистами, начинается почему-то с него, – убивают!

Один из соратников Луханова выхватил пушку, негромко чпокнул газовый выстрел, кто-то из шахтеров упал на колени, зажимая глаза. Хлипкий выстрел только больше озлобил нападавших: газовик выбили из рук охранника, он повалился на землю и тут же скрылся под грудой извивающихся тел. Кто-то подставил подножку Луханову, и профсоюзный лидер опрокинулся на помост. Далеко вверху мелькнуло небо с приклеенными к нему выхлопами облачков, и затем на фоне этого неба над Лухановым нарисовался огромный кулак какого-то озлобленного пролетария, с наколкой «Дуся», увенчивающей запястье, и с огромным кастетом, напоминающим стальной нарост на лапах киборга. Кулак стремительно приближался, рассекая воздух. Время замерло для Луханова. Он попытался было откатиться в сторону, но каким-то неисповедимым образом вместе со временем замедлились и его движения, и тело Луханова двигалось медленно-медленно, как тушка насаженного на крючок червяка.

Чья-то кроссовка врезала по руке с кастетом, обладатель руки, визжа, отшатнулся, и тут же его место заняла другая рожа, схлопотавшая коленом в пах. Сильные руки вздернули Луханова на ноги.

– Бежим! В темпе!

В разворачивающейся драке Луханов кинулся за неожиданным спасителем. У самого выхода со станции наперевес было выскочил шахтер с монтировкой, но спаситель заблокировал его руку, подсек и перекинул через себя: шахтер покатился в кювет, громко побрякивая о консервные банки и прочую дрянь, образовавшуюся в результате жизнедеятельности пикета.

Спаситель рванул дверцу темно-зеленого джипа, и Луханов с ходу запрыгнул внутрь.

Взвизгнули покрышки – кто-то из независимых вылетел джипу наперерез, но внедорожник не сбавлял скорости, пер напролом через канаву, и шахтер, не выдержав, откатился в сторону тем же молодецким приемом, которым лет десять назад в армии выкатывался из-под танка.

– Молодец! – одобрил хозяин джипа, – сразу видно, отличник боевой подготовки!

– В милицию! – закричал Луханов, – ради бога, в милицию! Это чудовищная провокация!

Водитель джипа проехал еще полкилометра, свернул к обочине и заглушил мотор.

– Милиция сама приедет, – сообщил он, – будем знакомы – Денис Черяга. Следователь Генпрокуратуры. Я тут, собственно, по угольным делам. Разбираться, как у вас воруют.

– Это у нас воруют? Это в Москве воруют, а не здесь, – сказал Луханов, – интересные вы люди! Сначала шахтерам денег не дают, а потом интересуются, куда они пропали.

Черяга помолчал, потом оборотился вправо. Там, за беленькими пятиэтажками и чахлыми от жары деревьями, ровным строем вздымались красные трехэтажные особнячки.

– Это чье? – спросил Черяга.

– Это? Миши Никишина. Сына директора.

– Вы сказали, что деньги шахтеров воруют в Москве. Как вы думаете, деньги, на которые был построен этот особняк, украли в Москве или в Чернореченске?

– Вы меня не так поняли, – запротестовал Луханов, – я хотел сказать, что вся эта система воровства начинается в Москве, а Никишин – мерзавец.

– А если конкретно?

– А?

– Чем он мерзавец-то?

Луханов колебался.

– Ну, фирмы всякие подставные, – неуверенно протянул он. – Жена у Никишина Алина и фирма так же называется. Зарегистрирована за границей. Покупает уголь вдвое дешевле, чем на рынке, а в обмен закупает оборудование втрое дороже. Разница остается «Алине», а оборудование везут сюда. А что в шахту упало, то пропало. Никто не оценит, что там стоит в шахте, кроме тех, кто его туда ставил.

– А шахтеры как на все это реагируют?

– А что шахтеры? Шахтер вон, вечером со смены идет, непременно с собой ведро чистого угля прихватит. Вот ему и кажется, что начальник смены ворует три ведра. А директор шахты, наверное, целых десять.

В глубине души Черяга не мог не согласиться с подобным выводом: шахтеры на него произвели примерно то же впечатление.

– А у вас документы про это есть?

– Кое-что найдется, – задумчиво проговорил Луханов.

– Покажете?

– Покажу, – согласился Луханов, – поехали в терком¹. Улица Мира, 5.

Джип уже выехал на мостик, когда Черяга спросил:

– А насчет того, что вам угрожали, – это правда?

– Я что, врать буду? – обиделся Луханов. – Раз пять звонили.

– И что говорили?

– Тексты примерно одинаковые: «Мы пикетчиков на шоссе сделали и тебя, гада, сделаем, если поезда не пойдут».

– И вы так легко к этому относитесь?

– Да я очень серьезно к этому отнесся, – сказал Луханов, – когда мне в два часа ночи прошипели в трубку, я сразу в милицию бросился звонить. А когда в течение трех часов мне

¹ Терком – территориальный комитет профсоюза.

еще два раза позвонили, и каждый раз разные голоса услужливо брали на себя ответственность за теракт – то я, извините, успокоился.

Луханов хмыкнул.

– На путях стоят тридцать поездов, в каждом поезде по шестьдесят вагонов, у каждого вагона хозяин кипятком писает от злости. Радио у нас все слушают, – я еще удивляюсь, что только пять человек позвонили.

Помолчал и добавил:

– Я так думаю, что это и из независимого профсоюза могли звонить. Чтобы поколебать мою преданность делу рабочего класса.

– А бандиты могли звонить? Местные, угольные?

Луханов подумал:

– Могли и они.

– А кто в городе крупные бандиты? – спросил Черяга.

– Да я откуда знаю? Негатив, наверное. Негатив был самый крупный, весь город держал, главный банк в городе держал – «Восточный», мэра на поводке водил.

– А я думал – Чернореченсксоцбанк самый крупный.

– Это теперь. А раньше «Восточный» был.

– И что с ним случилось?

– Обанкротился.

– Что так? Слишком много денег бандитам отстегивал?

– Да нет, я же вам говорю – он и был бандитский, Негатив в директорском кабинете ноги на стол клал. Говорят, что угольные директора положили в банк кучу денег. Левых. Ну, когда Негатив это увидел, у него слюни потекли, он эти деньги распишал по невозвратным кредитам и говорит директорам: извините, банк лопнул. Как-то никто к нему сильных претензий не предъявлял.

– А мэр?

– Мэр у нас теперь новый. Раньше у нас был Куманов. Сергей Витальевич. Ба-альшой друг Негатива. Засветился он с этим банком по полной программе, туда же еще вклады населения привлекались, Куманов аж по телевизору выступал и банк нахваливал, как водку «Кристалл». Ну, народ его только что на клочки не разодрал, когда банк накрылся.

– А новый мэр?

– Да он у нас сеть магазинов держал, все столбы плакатами предвыборными оклеил. Народ уж плевался-плевался, а кого выбирать-то? Два угольных генерала в мэры баллотируются и этот, Курочкин. Плюнули да проголосовали за Курочкина.

– А как Курочкин с Негативом?

– Да не очень. Когда выборы-то были, Негатив ему был вместо табуреточки, весомая поддержка. Деньги, наверно, давал. А как выборы кончились, Курочкин сказал табуреточке: спасибо, что постояла. А я уже наверх залез, мне тебя несподручно с собой тащить.

– И что же Негатив?

– А что Негатив? Негатив к этому времени увял. Директора на него злые, мэр на него злой, он свой кусок нахапал и сидит тихо. Да мэр с ним особо и не ссорился, они и за ручку здороваются, и на футбольный матч ходят вместе.

– А народ как к Негативу относится? Коль скоро он вкладчиков обворовал?

– Да что народ! Негатив вон в областное собрание баллотировался, по Малиновскому округу, там каждому пенсионеру в дом принесли пакет с заморской колбасой. Народ чавку раскрыл, 94 % проголосовали за Негатива. Он, Негатив, вообще щедрый. Рубль отнимет, копеейкой непременно поделится. Кто сейчас забастовщиков кормит? Он, а не Крот с Чередой. Сам возит и казаков заставляет.

– А-а, – протянул Черяга, – так это его парня убили вчера? Который хлеб пикету возил?

– Да наверно его, – подумав, ответил Луханов. И прибавил: – Ой поймает Негатив этих козлов, надерет им задницы, не посмотрит, что спецслужбы!

– А зачем Негатив еду возил?

– Я знаю? Возил и возил. И мы брать ее будем, так и скажите в Москве – если нам не дает хлеба государство, мы будем брать его у бандитов. Потому что бандиты получают человечней всяких чубайсов!

– А где я Негатива могу найти? – спросил Черяга.

Луханов пожал плечами.

– А бог его знает. Поищи в «Сирене». К вечеру.

Терком располагался в маленьком домике напротив обширного здания «Чернореченскугля». В приемной Луханова было пыльно и пусто, и престарелая секретарша играла на маломощном компьютере в «Тетрис». По просьбе Луханова секретарша вынесла Черяге красную папочку, завязанную тесемками, и они расстались.

* * *

Улица Коновалова, пересекавшая город с запада на восток, была названа так в честь начальника комсомольской стройки, прославленного залетным московским писакой Александром Панфеевым в романе «Черное золото». В романе изображалась борьба прогрессивного комсомольца-рабочего с инженером-ретроградом. Инженер-ретроград утверждал, что количество коксующегося угля в Чернореченске совершенно недостаточно, чтобы обеспечить нужды соседнего Ахтарского меткомбината, а без коксующихся углей чернореченские шахты себя не оправдывают. Рабочий же изобретал процесс, позволявший превратить энергетический уголь в коксующийся. В конце инженер оказывался вредителем, засланным японской разведкой для подрыва боеспособности советской родины, комсомолец становился начальником стройки, а коксохимический цех АМК весело поглощал состав за составом из Чернореченска.

Первого хозяина Чернореченска действительно звали Коновалов, но он бы не комсомольцем, а бывшим унтер-офицером, выросшим к 1929 году до начальника Чернолага. Чернореченск сооружали ссыльные кулаки и спецпереселенцы, они же вкалывали в шахтах, и во всем романе не было ни слова правды, кроме того, что в 1929 году чернореченский уголь был и вправду рентабелен – рабский труд ничего не стоил.

Ни при каком другом общественном строе рентабельным он быть не мог, а энергетический уголь в коксующийся переделывать не научились до сих пор. Самородок, это предлагавший, закончил свою жизнь там же, где и прочие вредители – в шахтах Чернолага.

Московский писатель Панфеев был превосходно осведомлен об истинном положении дел, и даже выезжал в Чернореченск для детального знакомства с натурой, но роман написал бойкий. Наверное, потому, что в шахтах Чернолага трудились его отец и брат. Говорят, что в качестве гонорара писатель попросил их освобождения, но к тому времени гонорар сдох от силикоза и был похоронен в одном из бесперспективных забоев – начальство использовало готовые дырки в земле вместо кладбища. Панфееву достались только деньги и Сталинская премия. Он долго пил, а потом сел за новый роман – о героических строителях соседнего Ахтарска.

Улица Коновалова начиналась от одноэтажного вокзала и шла через весь город с востока на запад. Вдоль улицы унылым караваном тянулись панельные пятиэтажки с чахлыми липами, выраставшими из чугунных решеток. Что-то удивило Черягу в облике города, и лишь проехав пол-улицы, он понял, в чем дело: ни на троттуаре, ни в скверике под домами, ни на проезжай части – нигде не было машин, и даже чернореченский трамвай, на котором он так любил кататься в детстве – даже трамвай прошел мимо него единственный раз, раскачиваясь и гремя облупленными железными боками.

Черяга остановил джип у дома с торцом, выложенным цветной мозаикой. На мозаике был изображены рабочий в шахтерской каске, девочка и солнце. Несколько лучей у солнца отвалились и лежали желтой пылью в скверике под домом.

Он поднялся на второй этаж, и через минуту позвонил в стальную дверь с сейфовым замком, установленную совсем недавно, судя по свежим порезам на стене. Это была квартира, в которой его брат последнее время жил вместе с Ольгой.

Дверь Ольга открыла без стука.

– О! Кто пришел! Дениска пришел, – сказала она.

Ольга была в коротком белом халатике и босиком. В руках у нее была бутылка водки. Ольга пошатнулась и хлопнула глазками.

Денис прошел в прихожую. Квартира была маленькая, однокомнатная, и в раскрытую дверь Денис видел чисто убранную кухню и пестрого попугая в клетке.

Ольга хлопнулась на диван, и коротенькие полы халата разлетелись.:

– Т-ты извини, Денисик, что я пьяная. У т-тебя жена есть?

– Нет, – промолвил Черяга.

– А у меня вот мужа нет. Был и сплыл. Алиментов требовать не с кого.

У Ольги были длинные, без единого волоска ножки, покрытые ровным загаром. Из-под завернувшегося халата были видны трусики, узенькие по нынешней моде и такие прозрачные, что Денис совершенно точно понял: лобок у Ольги выбрит тоже. Понял и смущенно отвел глаза.

– Почему вы не сказали, что Вадим ушел из банка?

Ольга расслабленно махнула рукой. Халатик сдвинулся, закрывая трусики. Черяга вдруг почувствовал, что ощущает нечто большее, чем положено ощущать в присутствии невесты покойного брата.

– Что там произошло, с вымогательством? – спросил Денис.

– Да какое вымогательство! – капризно сказала Ольга. – послали человека работать по рынку, одна торговка возьми и нажалуйся. Прискакал РУБОП, с великим шумом всех повязали, ну, и Вадик оказался крайний.

– Что значит – крайний?

– Сказал, что для себя собирал.

– А на самом деле для кого он собирал деньги?

Ольга пожала плечами.

– Я-то откуда знаю?

– Не валяй дурака. Для кого он собирал деньги? Для Негатива? Почему он тогда в банке охранником работал?

– Его Негатив поставил за банком смотреть, – сказала Ольга, – а банку это не очень-то нравилось.

Ольга вздохнула и зашевелилась на диванчике. Черяге почему-то некстати вспомнилось, что он не был с женщиной уже почти месяц – с тех пор, как полупьяная секретарша Никифорова зазвала его домой после вечеринки. У секретарши были тяжелые толстые ноги, и мясо на ее животе собиралось складками. Денис невольно позавидовал брату. Такие девушки, как Ольга, должны были быть манекенщицами или любовницами банкиров, и было совершенно невероятно, что одна из них была невесткой сопливого парня, вышвырнутого из банковских охранников и выбивавшего долги из торговцев на рынке.

– Кофе тебе сварить? – сказала Ольга.

– Свари.

Они пошли на кухню, и Денис молча смотрел, как девушка нагибается и ищет банку с кофейными зернами, и когда она подала ему ручную кофемолку, пальцы их на мгновение сплелись, и Денис дернулся, словно сунул руку в розетку под током.

Они воротились в гостиную, и Ольга поставила на столик перед диваном две фарфоровые чашечки, из которых вился тонкий дымок.

– Кем был Вадим у Негатива? Быком?

– До бригадира вырос, – сказала девушка, опустив глаза.

– И как... его звали?

Денис почему-то не смог заставить себя произнести слово «погоняло».

– Чиж.

Ольга маленькими глотками пила кофе, сидя спиной к окну, и яркий солнечный свет прорезывал насквозь ее халатик, превращая его в подобие нимба вокруг тонкой, как хрустальная ваза, фигурки. Ольга несмело улыбнулась ему, Денис поперхнулся кофе и поспешно отвел глаза.

– И зачем же Чиж звал меня на свадьбу? Братаном перед братками хвастаться или как?

– Он хотел, чтобы вы ему помогли.

– Чем?

– Не знаю. Уехать отсюда. Он – он не такой был, как все. Мы бы поженились и уехали! Он не хотел в этом дерьме сидеть!

– Так и начинать не надо было, – заметил Черяга.

– А?

– Его никто не заставлял на Негатива работать.

– А где еще? На шахте горбатиться, да? По восемь месяцев зарплату не получать и ждать, пока метан в штольне взорвется? Вам хорошо в своей Москве, там тысяча мест, где работать!

На глазах девушки выступили слезы. Она всхлипнула. Потом ухватила за горлышко бутылку и начала жадно пить. Черяга перехватил ее руку и отвел назад.

– Перестань! Ты и так пьяная!

Ольга выпустила бутылку и заревела в полный голос.

Растерянный Черяга сел рядом на диванчик и обнял ее за плечи.

– Ну успокойся, успокойся, – проговорил он.

– Тебе хорошо-шо, – прорыдала Ольга, – ты в Москву уедешь, а мне куда?

Белый халатик сбился в сторону, и Черяга видел теперь тонкий, покрытый бархатным пушком живот и холмики не стесненных лифчиком груди. Чувствуя, что происходит что-то не то, Черяга попытался отодвинуться, но в этот момент пальцы Ольги вцепились в него с неженской силой.

Горячие женские губы впились в его собственные, и Ольга повалилась на диван. Черяга упал сверху, с ужасом и восторгом ощущая под собой мягкое, податливое женское тело. Женские губы сместились куда-то вбок, нежный язычок защекотал у него за ухом. Черяга попытался отбиться, чувствуя, что, кажется, именно это называется изнасилованием, но тут его губы впились против своей воли в высокую белую грудь с темным пятнышком соска, и все, о чем думал Черяга час назад и даже минуту, было смыто из его памяти, как летний ливень смывает с запыленных улиц грязь и ненужный сор.

* * *

Было уже два часа дня, когда ахтарский предприниматель Ашот Григорян вышел из маленького офиса, располагавшегося позади принадлежащего ему магазинчика. Магазинчик Григоряна был расположен на редкость удобно, в том же здании, в котором располагался районное УВД, и поэтому никаких неприятностей с бандитами или налоговыми органами у Григоряна не возникало. В последний раз, когда новый и неопытный пожарный инспектор пришел проверять магазин и требовать денег во внебюджетный фонд «Пожарник», продавец в магазине вежливо объяснил инспектору, что к директору ему надо заходить с торца.

Инспектор зашел с торца и прочитал значащуюся там табличку, и больше в магазине его не видели. Григорян платил ментам гораздо меньше, чем «крыше», и благодаря этому удачному обстоятельству в короткое время заработал и на новую квартиру, и на новый «БМВ», который и посверкивал сейчас во дворе среди милицейских «канареек».

В магазине громко работало радио, и по радио представитель независимого шахтерского профсоюза называл вчерашний расстрел пикета «провокацией Москвы».

– Вот сволочи! – сказал зам Григоряна, – ведь до сих пор не нашли, кто это сделал! Как вы думаете, Ашот Вазгенович, найдут или не найдут?

Зам Григоряна считал, что его шеф знает ответы на все сложности жизни. Но Григорян ничего не ответил, и зам добавил:

– Вас там какой-то парень спрашивал, сказал, что в два подъедет.

Дверь офиса захлопнулась за Григоряном.

– Не в духе шеф, – констатировал продавец.

БМВ Григоряна стоял под самым окном офиса, и Григорян увидел, как к его машине подкатила белая с синим «шестерка». На «Шестерке» были чернореченские номера и надпись: «ГАИ», хотя ГАИ уже не было, а труженики свистка именовались новым труднопроизносимым сокращением из пяти букв. Из машины вышел невысокий коренастый парень в джинсах и вельветовой куртке.

Прошло минуты две, и в дверь кабинета Григоряна постучали.

– Кто там? – сказал директор.

Дверь отворилась, и на пороге показался все тот же коренастый гаишник. Закрыв дверь и прислонился к стене.

Мент улыбался, и от этой улыбки душа Григоряна ушла в пятки.

– А ведь я тебя засек, – сказал гаишник.

– Что?

– Это ты ехал на БМВ в Чернореченск. Туда и обратно.

– А что, в Чернореченск больше ездить нельзя? – спросил, холодея душой, Григорян.

Мент все так же ритмично двигал челюстью. Это был молодой еще гаишник, веснушчатый и вихрастый, с мордочкой, вострой, как у лисы.

– Ищут ведь тебя, – сказал гаишник, – ищут тачку, из которой облаяли пикет. Который потом расстреляли.

– Слушай, – сказал Григорян, – при чем тут я, а? Ну хорошо. Ну ехал я в Чернореченск. Ну обругал пикетчиков. Не приезжал я вечером, вот те крест, не приезжал! Да их до меня двадцать человек, наверно, обматерили.

– Но только у одного из этих двадцати был «БМВ», и только один сказал, что он еще вернется.

– Да злой я был! Ну что я? Я же не бандит.

Мент равнодушно жевал.

– А это ты в отделении будешь доказывать, бандит ты или не бандит. Вся область на ушах стоит, требует найти кто в пикет стрелял. Мне за бдительность повышение будет.

Мент поискал глазами вокруг, и его рука оплела горлышко коньячной бутылки, сидевшей в ящике.

– Хороший коньячок, а? – сказал мент, – можно?

– Лучше не этот, – заторопился Ашот, – вон, я сейчас принесу...

– Смотри-ка – у тебя и коньяк поддельный, а? Акцизные марки на коленке рисовал?

Ашот в ужасе закрыл глаза. Господи, ну зачем, зачем он выматерил этих шахтеров! Он не знал, смогут ли ему припаять убийство двух пикетчиков, – но что он, лицо кавказской национальности, послужит если не козлом отпущения, то дойной коровой для въедливых следователей – это было наверняка.

– Сколько? – спросил Ашот.

– Десять штук.

– Ты с ума сошел. У меня таких бабок нет.

– Ты мне не тыкай, черножопый, – с усмешкой сказал мент, – тебе что, десять кусков жалко? С тебя следовательно пятьдесят сдерет, ты еще рад будешь отделаться.

В конце концов сошлись на трех тысячах сейчас, и еще трех – через неделю. Наглый гаишник прихватил ящик с коньяком и был таков.

* * *

Спустя час Черяга нетвердыми шагами покинул квартиру в девятиэтажном доме с выложенным мозаикой шахтером. На губах его виднелись следы от женской помады, и в ворот рубашки, если приглядеться, можно было заметить свежий засос чуть пониже шеи.

Мир изменился. Пустынная горбатая улица уходила, казалось, прямо в небо, деревья тихо шелестели, поздравляя Дениса, и водочные этикетки, поднятые ветром, кружились вокруг, как новогодние конфетти.

Рассудком Денис прекрасно понимал, что случилось. Девочке очень хотелось замуж. Девочке особенно хотелось замуж за приличного человека и москвича, и когда она увидела, что несостоявшийся деверь посматривает на нее масляным взглядом, она решила, что это – ее шанс.

По разным причинам у Черяги не очень ладилась отношения с женщинами. Имя-отчество последней причины было Марина Сергеевна, и работала причина переводчицей в какой-то иностранной конторе. У Марины были серые глаза и длинные ножки, и они с Денисом подходили друг к другу как две половинки ореха, что не помешало Марине два месяца выселить Черягу из своей постели, едва на горизонте замаячил перманентный любовник – генеральный директор какого-то ООО с тыквообразным чревом и сексапильным кошельком.

Тривиальную измену ради денег Черяга бы еще пережил, но Марина сказала ему на прощанье: «Слушай, а с чего тебя любить? Тридцать два года мужику, а он до сих пор на жизнь заработать не может! Ты думаешь, я тебя из-за денег оставляю? А ты когда-нибудь такое слово слышал – самореализация?»

Здесь, в богом и капитализмом проклятом Чернореченске, статус Черяги как москвича и важняка был достаточно высок, чтобы невеста брата уцепилась за него, как за тростинку.

Но какое это имело значение? Черяге было так хорошо, как не было хорошо никогда в жизни, и солнышко улыбалось ему с небес, и жизнь без сегодняшнего дня была как резиновая лодка, из которой сдули воздух и сунули в чулан, а сегодняшний день был как воздух, которым наполнили лодку и как река, по которой она плывет.

«А скажи, дружок, вы так же валялись бы на диванчике, если бы ты сказал ей, что живешь в однокомнатной конуре за кольцевой дорогой, и что ты ни разу в жизни не взял взятки?» – ехидно шепнул рассудок, пока Денис заводил магнитной карточкой темно-зеленый «Мерс». Но Денис цыкнул на рассудок, тот завилял хвостом и пошел прочь, как уходит из комнаты обиженный пес, изруганный за изодранную игрушку.

Черяга знал, что в жизни у него появилось что-то, чего никогда не было, как будто он был колесом, бесполезным и изломанным, с дыркой посередине, и вот в эту дыру вдруг просунули ось, и колесо завертелось весело и довольное.

* * *

Мелькнули внизу чахлые камыши, заплывшие консервными банками, мелькнул покоренный забор почившего в бозе угольного НИИ, и вскоре внедорожник выскочил на мост,

перекинутый через неширокую речку Осинку, – приток далекого Урала. Мост кончался пре-любопытным сооружением – на скалистом пятачке, вдающемся в реку, стоял огромный метал-лический человек ростом с семиэтажку. В одной руке металлический человек держал кирку, в другой нечто, неразличимое в связи с плохой видимостью. Но в хорошие дни нечто можно было идентифицировать как игрушечный завод – с трубами, цехами и газгольдерами.

В целом статуя производила неотразимое впечатление. Если бы динозавры возводили скульптуры, они бы бесспорно возвели нечто вроде этого.

Человек был окружен ремонтными лесами. Леса были оклеены объявлениями и афи-шами, и теперь человек с кайлом в руке рекламировал кандидатов в городскую Думу и жева-тельную резинку. Наверное, это был один из немногих шахтеров в городе, который сумел сме-нить профессию и устроиться рекламным агентом.

Шахтер-Полифем, некогда, как задумывалось, должен был стоять посреди зеленого сквера, окруженный белопанельными домами, светлыми магазинами и смеющимися ребятиш-ками, обитающими на месте зловонной кучи бараков, украшавших левый берег Осинки с 30-х годов. Белопанельный микрорайон так и не родился на свет. На статую денег хватило, а на дома – нет. Вместо белопанельных домов левый берег зарос самовольной застройкой – бал-ками, где люди жили по две-три семьи в жилище размером с вагончик, и весь этот пещерный город получил название Алаховка – темное название, неаппетитное, пахнувшее анашой, пья-ными драками и слезами школьников, которые слишком рано и слишком страшно переставали быть девушками...

Поэтому-то так и удивился Черяга, когда хозяин крупнейшего в городе банка предложил ему приехать в гости в Алаховку.

Во время оно предсовмина Косыгин, пролетая на вертолете над левым берегом реки Осинки, что текла чуть сбоку от города, кинул взгляд вниз и изрек: «А что же мне говорили, что плохо живут шахтеры? Хорошо живут шахтеры! Вон сколько гаражей!» Сопровождавший высокого вождя первый секретарь обкома не решился разъяснить, что то, что простирается внизу – это не гаражи. Косыгин еще раз окинул «гаражи» задумчивым оком и приказал их снести, как портящих пейзаж возле памятника.

Спустя двадцать лет мудрое указание Предсовмина было выполнено. Балки исчезли, и на месте их дивными белокирпичными кустами тянулись хоромы, окруженные высоким забором с колючей проволокой и только что не рвом, в котором плавали крокодилы, и металлический пролетарий парил над рекой на фоне белокаменных особняков новых хозяев жизни.

У самой реки, вжавшись спиной в камыши, стояло пять или шесть балков, сросшихся спинами и чудом уцелевших. Денис подъехал на джипе поближе к воде и увидел старуху, кото-рая на мостках полоскала белье. Старуха обернулась на шум машины.

Засим старуха поступила очень странно. Она подхватила простыню, которую только что выжимала в ручье, и с этой простыней, перекрученной наподобие кнута, полетела навстречу Денису.

– Бабушка, – начал Денис.

Мокрая простыня шваркнула его по лицу. Денис, не ожидавший от бабки такой прыти, даже не успел посторониться. Бабка замахнулась снова, и Денис крепко, но вежливо перехва-тил ее локти. Бабка лягнулась и громко-громко завопила:

– Убивают!

Послышался скрип двери балка, кто-то выскочил на крыльцо, и мужской голос заорал:

– Отойди, убивец, сейчас стрелять буду!

Черяга оглянулся. У балка стоял дедок с бородой Санта-Клауса, и в руках его прыгало охотничье ружьишко. Тут бабка изловчилась как следует и пнула Дениса ногой. Вероятней всего, что бабке хотелось угодить в пах, но скрюченные артритом ноги не очень-то подымались, и в результате бабка попала супостату по коленной чашечке. Башмаки у бабки были тяжелые,

с твердокаменной подошвой, и Денис, не ожидавший от бабушки такой прыти, вскрикнул – скорее от удивления, чем от боли, и выпустил женщину.

Сама же старушка, тяжело охнув и скрючившись в три погибели, села на землю и принялась причитать:

– Не уйдем! Режь, не уйдем!

Старик прицелился.

– Да вы что, с ума посходили? – заорал Денис, – я к вам спросить заехал!

– Знаем мы, – сурово отвечал старик, – зачем тут разъезжают на джипах!

– Да москвич я! – сказал Денис, – вон, номер у машины московский! Я спросить хотел – вы не знаете, где Лаптюк живет? Дима?

– А тебе он кто? – подозрительно спросил дедок.

– Да кореш, в одну школу ходили.

– Это кто Лаптюк? – спросил дедка бабу.

– А это который с пятого балка был, – сказала она, – феррум-купрум.

– Спекулянт твой Лаптюк, – сурово сказал дедок, – во, даже памятник засрал!

И сурово ткнул пальцем в обставленную лесами статую рабочего.

– Вам помочь? – участливо спросил Денис, наклоняясь к старухе, все еще сидевшей на земле.

– Да я уж сама как-нибудь, – сказала та, но тут же уцепилась птичьей лапкой за протянутую руку Черяги.

– А что случилось? – спросил тот, – чего вы так – с ружьем?

– Дак мы думали, вы из этих, – объяснила старуха, – из рэкета. Дом отбирать.

– А что, отбирали?

– У всех отбирали, – сказал дедок, подходя, – сначала съезжать велели, а потом по домам стали шастать. Грабить людей. Трех таких поймали, а их на следующий день милиция выпустила.

– А потом? – спросил Черяга.

– А потом сгорели балки-то.

– Как сгорели?

– А вот так. Эти, которых поймали, прикатали сюда на джипе, и говорят: ладно, по добром не понимаете, будем разговаривать по-плохому. А в ту же ночь все и загорелось, с четырех концов. Вон, памятник закоптили, памятник чистить деньги нашлись.

– А пожарные? – спросил Черяга.

– А пожарные часов через пять приехали, – объяснил старик, – им тут долго ехать, до пожарной части пешочком пятнадцать минут, вот они обождали по приказу сверху и приехали. Мы-то у воды стоим рядочком, мы уцелели, а все остальное выгорело, что твой чернобыль.

– Жертвы были?

– Пятеро угорело. Колька Стахов угорел, в лежку пьяный был, а в шестом рядку дите сгорело двухмесячное.

– А компенсацию какую-нибудь выплатили? – спросил Черяга.

– Ага! Пять тыщ в зубы и иди гуляй, покупай себе новый дом. Тем, которые сами уехали, кооператив хоть по десять тыщ платил.

– Какой кооператив?

– Ну, который тут дома эти строит. «Аркос» называется.

– Это не кооператив строит, а банк, – возразила старушка. – Чернореченсксоцбанк.

– Нет кооператив строит, а банк ссуды дает, – со знанием дела сказал дедушка, – вот я бы тоже ссуду взял. Триста тыщ. долларами. Так ведь не дадут, а, парень?

– Не дадут, – сказал Черяга.

Он думал о том, что, возможно, брат его тоже был в числе тех, кто угрожал жителям балков и жег «дите двухмесячное».

– А куда же люди делись? – спросил Черяга.

– А кто куда. Кому квартиру дали, кто в деревню уехал. Кто в Москву сдернул, пять тыщ все-таки, прожить можно!

– Вон, Колька-то Тарасов из Москвы вернулся пешком, – сказала бабка, – на рельсы пошел, а оттуда его погнали: ты, говорят, бомж, нас телевидение приедет снимать, а у тебя одна кроссовка желтая, а другая черная, и обе правые. На рельсах-то хоть кормят, я вчера пошла, настоящей колбасы дали. Я ее уж шесть лет не пробовала-то, этой колбасы. Многие на рельсы ходят, чтобы поесть.

– Ты вот москвич, значит умный, – спросил старик, – ты скажи, куда нам написать? Мы уже и Ельцину писали, и в обком...

– В какой обком? – спросил Черяга.

– Ну обком он и есть обком, – ответил старик, – мы всегда про безобразия в обком писали. Задумался и добавил:

– Не реагирует чего-то обком. Надо в ЦК написать.

* * *

Рекламный щит, прикрепленный на памятнике, гласил: «ЗАО Купрум» Купим Cu, Al, цветные металлы. Снежинская, 20. Вход с двора».

Спустя десять минут Черяга остановил свой «Мерс» на Снежинской, перед 5-й проходной бывшего завода подводных лодок. Ворота проходной были широко распахнуты, и надпись на воротах опять-таки извещала, что ЗАО «Купрум» покупает у населения алюминий и медь в неограниченных количествах.

В глубине двора, перед крыльцом конторы, стояли две иномарки: трехсотдвацатый «Мерс» и «Вольво», из раскрытого окошка конторы долетали возбужденные голоса.

У иномарок скучали двое громил характерной внешности. Вряд ли они приехали сюда продавать украденный из шахты провод.

Денис прошел мимо стриженных гоблинов внутрь. Склад, переделанный из бывшего штамповочного цеха, был огромен. Бетонный пол шириной с футбольное поле был завален мотками проволоки, деталями механизмов, и края его утопали в темноте, лишь слегка подвечиваемой чахоточными лучами солнца, кое-как пробиравшимися сквозь запыленные прорези окон. Посреди цеха стояли огромные напольные весы и школьная парта. Около весов толклись четверо: круглолицый, живой толстяк в грязных белых брюках и белой же рубашке, подхваченный под руки парочкой внушительных троллей в камуфляже, что-то энергично доказывал безукоризненно одетому джентльмену.

Присмотревшись, Денис узнал в джентльмене главу охраны Чернореченсксоцбанка – господина Головатого.

– Да не несли ко мне кабеля! – кричал толстяк, трепыхаясь в объятиях громил, – у них что, в голове протекает, чтобы ко мне кабель потырить! Можете хоть все проверить, вон, журнал посмотрите!

Тут Головатый оглянулся и увидел фигуру Черяги, вырисовывающуюся на светлом прямоугольнике входа.

– Добрый день, Аркадий Петрович, – сказал Черяга, – что, кабель свой ищите?

Головатый оглядел важняка с головы до ног.

– Чего надо, того и ищем, – сказал он, – пошли, ребята.

Тролли отпустили свою жертву и двинулись к выходу. Спустя несколько секунд послышался визг покрышек, и обе иномарки с бешеной скоростью выкатились из ворот склада.

Толстяк энергично сплюнул на бетонный пол.

– Тьфу! Не, ну надо же! Мало того, что морду бить, так еще и налоговой грозились! Вы ко мне?

– Дим, не узнаешь?

– О черт! – пробормотал толстяк, – Дениска?

– Он самый.

– Ты откуда взялся?

– Из Москвы.

Взгляд Димы Лаптюка пропутешествовал вдаль и наконец остановился на темно-зеленом «Мерсе» с московскими номерами, припаркованном около склада.

– Ого! – сказал Дима, – ты, я гляжу, хорошо приподнялся. С братаном связь держишь?

– А он что, у тебя был?

– Да недельку назад навещал.

– Зачем?

– Мордой об стол клал. На предмет нерегулярной выплаты дани. Ты-то этим занимаешься? Или чем?

– Да как тебе сказать, – рассеянно сказал Черяга, поглядывая на собственный «Мерс», – так, кантуюсь помаленьку. А этот, который только что свалил – он правда налоговую может насрать?

– Он не он, а Негатива попросит. У них весь город в кулаке.

Димка задумался и вздохнул:

– Да мне если кто этот кабель принесет, я его сам повяжу и ребят позову. Уж если их так на этом кабеле заклинило...

* * *

Спустя двадцать минут Денис Черяга сидел в удобном кожаном кресле, в квартире Лаптюка, и хозяйка уже катила к обоим мужчинам столик на колесиках, полный всяческих закусок и напитков.

Квартира явно была куплена не на те гроши, что выдавали городские власти в качестве компенсации за сгоревший балок: это были хорошая четырехкомнатная квартира с балконом, евроремонт, красивой женой и собакой-ризеншнауцером, и в самом центре города.

– Что, – спросил Черяга, – на особняк-то еще не нажил?

– Да строимся, – сказал Лаптюк. – Вон, плитку фирма сдуру везла по рельсам. Стоит теперь их вагон в пятидесяти километрах и кукует.

– Я гляжу, прибыльное это дело – торговать металлоломом.

– А что? Шахтеры, как припрет, задешево несут.

– И что ты делаешь, когда к тебе шахтер высоковольтный провод тащит? Ты что, не знаешь, где он его взял?

– А по-твоему, – усмехнулся Димка, – одни шахтеры этим занимаются? Знаешь, я когда еще начинал, как-то в газете объявление читаю: «Продаем магний. В треугольниках». Ну, у меня заказ на магний был, я созвонился и поехал. Правда, странно показалось – что значит «в треугольниках»? Ну, неважно. В треугольниках так в треугольниках. Хоть в октаэдрах. Может, форма такая. Приезжаю: стоит два вагона и все набиты стабилизаторами от баллистических ракет. А чего? Все правильно, треугольники.

Друзья еще выпили.

– И много ты Негативу платишь? – поинтересовался Денис.

– Сколько надо, столько и плачу.

– А в ментовку слабо пожаловаться?

– Ага! Чтобы Петраков эту жалобу тут же переправил вышестоящему начальству в лице Негатива?

– Так все схвачено?

– А что, плохо, что ли? Вон, в Ахтарске Премьер с Чердаком год выясняли, кто главный, люди как в Чечне жили, целые подьезды на воздух взлетали, война шла до последнего уцелевшего «Мерседеса». Что, лучше коммерсантам было?

– А почему такая альтернатива? Либо один бандит, либо много. А государству по-человечески платить не хочешь?

– Так с меня государство в три раза больше возьмет, чем Негатив. Спасибо, что есть бандиты, чтобы защитить меня от налоговой инспекции. У государства-то ум в жопе, они как даванут из меня налоги, тут же я им и останусь должен три шкуры. Негатив-то поумней, он знает, что если глушить рыбу динамитом, то в следующий раз рыбы не будет. Опять же – особых военных расходов у Негатива сейчас нет...

– А он откуда, Негатив?

– Авторитет. У нас тут Нусик был, вор в законе, хороший был старичок, в девяносто третьем помер от старости. Ну, местные повоевали немного, Негатив вроде как сильней всех оказался. Съездил в Москву, благословение получил и совсем заматерел. Положенец не положенец, а к ворам близкий. Нормальный мужик, только ментов очень не любит.

– Да эта публика вся ментов не любит.

– У Негатива – особое. Какая-то у него там заморочка с ментами на заре туманной юности вышла. Не то они его напрасно посадили, не то он так считает...

– А что мне тут рассказывали про сына Никишина, который в губернаторы баллотировался, – будто он сидел?

– А, было дело, – согласился Дима, – был у нас Миша Никишин кандидатом в губернаторы. Сколько денег выкинули – я прям не знаю! Все газеты скупали на корню, местные программы каждые пять минут рассказывали, как вот кандидат Никишин навестил свиноферму и поцеловал свинарок, как он навестил детский дом и каждому дитенку по конфете дал... Спичечная фабрика у нас есть – выпускали на спичках портреты Никишина и в гастрономах даром раздавали... Какие люди приезжали! Какие артисты! Один московский политик, из числа будущих кандидатов в президенты, сюда прикатил, две недели тут сидел. Он-то, конечно, не за бабки работал. Ему было интересно создать сплошной фронт сибирских губернаторов. Рейтинг у Миши был что твоя Эйфелева башня.

И вдруг за три до выборов – хрясь! Одна газетка, «Выбор Сибири», тиснула статеечку насчет того, что сын угольного директора Миша Никишин в девятнадцать лет сел за изнасилование. Хорошую такую статеечку, доказательную. И положили эту газетку в каждый ящик. И вот смотрит вечером избиратель программу, в которой Миша Никишин лобызается с детишками на фоне подаренных им компьютеров, а перед избирателем на столе газетка с фотографиями. Ха-арошие фотографии. Из следственного дела.

– И что на фотографиях?

– А ты сам догадайся. Чтобы сын угольного генерала загремел за изнасилование, это чего же натворить надо, а? Девочка на фотографиях. Которую попользовали и придушили. Ну, да он там не один был, папаша было устроил, что он как бы и в стороне стоял, только вот не повезло парню – у него группа крови редкая. Резус отрицательный. Ну и у девочки этой, которую вшестером распечатывали, нашли сперму, принадлежащую человечку с отрицательным резус-фактором.

– И долго он сидел?

– Пустяковинку. Год сидел, а дальше досрочно-примерное. Того прокурора, который его посадил, потом из области выжили. Ну так я к выборам возвращаюсь. Как народ про эту девочку прочитал, так никишинскому рейтингу полный звиздец пришел. Одна звезда москов-

ская здесь гостила, ей тоже газетку положили, она, ни слова ни говоря, концерт в пользу кандидата отменила – и в Москву.

– И что, раньше в области не знали, что Никишин сидел?

– А откуда? Сел, – ты погоди, ты когда из области уехал?

– В восемьдесят третьем.

– Ну вот! А он в восемьдесят втором сел. Ты же ничего об этой истории не слышал, а? Тогда судебных репортеров еще не развелось, папа скандал замаял. Ну, какие-то слухи, конечно, ходили, да и знакомые у Никишина были весьма специфические. Но ты же наш народ знаешь: ну, сидел человек. Ну и здорово! Я сам сидел, и батя мой сидел, и вон братан сидит. Никому же не было известно, за что он у хозяина парился. У нас за бандита всякий проголосует, а вот за насильника – навряд ли. А ты газетку эту, кстати, хочешь? У меня сохранилась.

– Давай, – сказал Черяга.

Дима принялся рыться по полкам и минут через пять вытащил пожелтевший, в полгазетных листа «Выбор Сибири».

– Держи.

Черяга медленно рассматривал газету.

– А кстати, – спросил Черяга, – ты сказал, что у Никишина денег немеряно было. Чьи деньги-то были? Угольное лобби?

– Да может, и угольное. А я так слышал, что общаковые деньги были. Во всяком случае, Негатив нам тут всем строго-настрого за Никишина велел голосовать.

Черяга даже поднял брови.

– Да ну? – сказал он недоверчиво, – это что бы бандиты насильника в губернаторы прочили? Он в лагере, часом, не чушкой был?

– Ну уж не паханом, это точно, – усмехнулся Дима, – а насчет бандюков ты не прав. Кого им губернатором ставить? Авторитета? Так ведь заборзеет немедленно. Ты представляешь себе – и менты под ним, и братва под ним? Шампунь и одеколон в одном флаконе. А Никишин – как раз человек удобный. Сызмальства привык под шконкой сидеть.

Черяга покачал головой.

– Да, веселая у вас была б жизнь. И кто же бандюкам сценарий испортил?

– А хрен его знает. Говорят, что Извольский.

– Это который директор Ахтарского металлургического?

– Ага. А может, и выше. Может, какой-нибудь другой кандидат в президенты не захотел единого фронта сибирских губернаторов. Лужков, например, или еще кто.

– Или ФСБ кандидат от общака не глянулся...

– Много чести, – сказал Дима, – я последний раз про ФСБ слышал, когда они одного моего приятеля приходили громить. Он, вишь, пейджинговую компанию соорудил, а телекоммуникации – это у нас делянка ФСБ. Так что за пейджинг они, конечно, удавятся, а вот губернатор от братков – это им по барабану.

Глава третья

Народный депутат негатив

Ресторан «Сирена» располагался в центре города, в двух кварталах от шахтоуправления. Каменные девы поддерживали вход, над которым странным ностальгическим воспоминанием сияла красноармейская пятиугольная звезда; в глубине ресторана царили роскошь и полумрак.

Бдительный швейцар, не пускавший в ресторан всякую шушеру, при виде новенького внедорожника с московскими номерами расслабился и бросился отворять перед Денисом тяжелую дверь.

Внутренность подвала была оформлена в виде огромной пещеры, и столики по бокам стояли в маленьких гротах для избранных. В дальнем конце пещеры возвышалась эстрада, а с эстрады лился настоящий ручеек, журчавший по скрепленным цементом камням и утекавший в сливное отверстие, замаскированное пластиковыми булыжниками.

Денис сел у стойки бара и заказал коктейль.

Публики в зале было еще не очень много: у самой эстрады сидела компания явно заезжих бизнесменов, да в самом углу глушил коньячок одутловатый мужичок лет сорока. У мужичка были каштановые волосы и приятное лицо с розовым носом, сильно напоминавшим пяточок, и странная, словно поролоновая улыбка. Это была та самая улыбка, которую Денис видел на плакатах, призывающих отдать свои голоса за Мишу Никишина.

Сквозь стеклянные двери был виден бильярдный зал. Несколько парней весьма характерной наружности и дежурный омовонец ходили с киями вокруг зеленого стола. Отношения между братками и омовенцем, судя по всему, были самые приятельские. Автомат омовнца стоял в углу.

Заурчала музыка, и на эстраду вышла девушка с точеной фигуркой и длинными льняными волосами. Кроме этих длинных волос, на ней были высокие сапожки и трусики весьма необычной конструкции: сверху резиночка, а снизу ничего. Судя по всему, единственным предназначением трусиков было – удерживать на месте зеленые бумажки, заправленные в них веселыми посетителями.

Это была Ольга.

Номер продолжался долго, очень долго, и музыке аккомпанировал одобрительный свист, а Миша Никишин со своей поролоновой улыбочкой вскочил со стула и полез на сцену обниматься. По счастью, он был слишком пьян, чтобы одолеть метровое возвышение, и явившийся откуда-то сбоку охранник цепко взял Никишина за ручку и отвел на место.

Потом Ольга убежала, кланяясь на ходу и виляя белой попкой, и на сцену выскочили три полуобнаженные грации. Черяга опустил глаза и увидел, что коктейль, который он не допил, течет со стойки бара на пол, а стакан из-под коктейля раздавлен, и с ладони его капает крупные красные капли. Денис уплатил за стакан и коктейль и прошел боковой дверью за сцену.

– Где Ольга? – спросил он первого подвернувшегося парнишки, и тот указал ему направо.

В крошечной комнатке на втором этаже было душно и накурено. Ольга застегивала на спине блестящее платье; другая девица, облаченная в трусики и бюстгальтер, деловито красила губы.

– Интересная у тебя работа, – сказал Черяга.

Девушка обернулась и залилась густой краской. Потом встряхнула волосами.

– А тебе какое дело? Перепихнулся разок и уже права качаешь?

– А Вадим знал?

Глаза Ольги зло сощурились.

– Рассказать тебе, где я с Вадимом познакомилась? На субботнике. Что такое субботник, знаешь, москвич, или тебе рассказать? Это когда нас бесплатно заставляют работать, на «крышу». А Вадим...

– Я уже понял. Пошли отсюда.

Денис взял девушку за руку и потащил к выходу.

В конце коридора путь ему заступил пухлый парень в пестрой рубашке, круглившейся на жирном теле.

– Ты куда?

– Дай пройти, – негромко сказал Денис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.